

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
Ф56

*Издание стало возможным благодаря
финансовой поддержке Фонда Олега Дерипаска
«Вольное Дело»*

*Точка зрения авторов издания может не совпадать
с точкой зрения фонда*

**Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый —
Ф56 Вячеслав Иванов — Александр Скрябин** / под ред. К. Г. Исупова. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 479 с. : ил. — (Философия России первой половины XX в.).

ISBN 978-5-8243-1746-6

В том включены тексты современных исследований, в которых под разными углами зрения рассматриваются сложнейшие концепты символизма — религиозно-художественного мышления, сформировавшегося на рубеже XIX–XX вв. На трех фигурах Серебряного века — Андрее Белом, Вячеславе Иванове и Александре Скрябине сошлись основные события этой литературно-эстетической школы. Задача книги — ответить на вопрос: сбылись ли «заветы символизма»; созвучны ли символисты ожиданиям читателей и слушателей своего и нашего веков? Том содержит библиографический и иллюстративный материал. Издание адресует не только специалистам по культуре Серебряного века, но и всем, кому дорога отечественная философия и литература.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1746-6

© Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2012
© Исупов К. Г., составление и общая редакция тома, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Институт философии РАН, 2012
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

А. Б. Шишкин

Символисты на Башне*

1. Башня

«Воздух, насыщенный поэзией, тем самым насыщался великими проблемами» (Е. В. Аничков), «центр, куда собирались все, которые собирались созиданием чего-то нового, и те, кто жаждали делиться своими мечтами с подобными же искателями» (А. Н. Бенуа), «единственный настоящий салон, который мне довелось видеть» (А. А. Ахматова), — так писали о Башне современники, испытывавшие к ее хозяину приязнь или острую антипатию. «Его “среды” одно время были средоточием всех молодых литературных течений, к В. Иванову, как признанному “учителю”, стремились попасть все молодые поэты», — в 1914 г. отмечал в энциклопедической статье В. Я. Брюсов, мало благоволивший к Башне. «Мифотворцу — на Башню» посвящает два «мифотворения» И. Анненский.

О том, какое место в культуре Серебряного века занимал сам насельник Башни, убедительно показы-

* Переработанный и дополненный текст статьи: «Симпозион на Петербургской Башне 1905–1906 гг.» // (Русские пиры. СПб., 1998 (Альманах «Канун». Вып. 3). С. 273–352).

вает ставший последним восьмой выпуск «Русской литературы XX века» под редакцией народника С. А. Венгерова (М., 1918). На творчество И. Анненского, А. Блока и Андрея Белого здесь отведено по статье, а на наследие Иванова — целых три; авторами их были Н. Бердяев, Ф. Зелинский и Андрей Белый; Бердяеву принадлежал краткий очерк «Ивановские среды» — начальная история Башни. Для следующего поколения, по свидетельству поэтессы Н. Павлович, Башня «стала историей». В 1920-е гг. в Петрограде М. М. Бахтин, проходя мимо, вспоминал «знаменитую Башню Вячеслава Иванова». Заостренно-гротескные зарисовки о «втянувшей» в себя весь Петербург Башне мы читаем в мемуарах Андрея Белого (1930, 1933, 1934)*. Как призрак ушедшей исторической эпохи предстает «петергофская Башня» — тень ивановской Башни в «Козлиной песне» К. Вагинова, призраке ушедшей исторической эпохи.

На симпозионах Башни участвовали поэты, мыслители, художники, историки искусства и литературы, режиссеры, актеры, политики; случались собрания-«гиганты», где участвовало до 70 человек, и напротив, камерные и закрытые «неофициальные» собрания. Парижский салон Ст. Маллармэ не был открыт для всех. На Башню приходили, не думая о принадлежности к определенному литературному или эстетическому лагерю. Напротив, «душно, душно, душно в кружке», — восклицала жена поэта Л. Д. Зиновьева-Аннибал, радуясь, что «враги и ругатели»-реалисты решили участвовать на средах.

Трудно найти петербургского или московского писателя, который не побывал на Башне. «По средам “на башне”, как на какую-то арену, ярко залитую светом самой изощренной требовательности, выходили в продолжение нескольких лет русские символисты, неся на суд и похвалу свои новые достижения. Обновлялись и получали поощрение чаяния и грезы поэтов и художников. Не просто “на башне”, на высях побывали. Так и жилось от среды до среды»**. «Не одних поэтов влекло на Башню. И опять-таки, если я вспомню его главных, особенно же-

* Андрей Белый. 1) На рубеже столетий. М., 1989; 2) Начало века. М., 1990; 3) Между двух революций. М., 1990.

** Аничков Е. В. Новая русская поэзия. Берлин. 1923. С. 42—43.

ланных и частых гостей, не назову ли я тех, чьи уцелели имена после всех невзгод и перипетий переворота, чтобы оказаться особенно на виду. Это М. И. Ростовцев, Луначарский, Бердяев. Но, когда они подымались на лифту <так!> на Башню, там внизу оставались их журнальные, ученые профессиональные и партийные заботы, ибо поистине ввысь sursum corda (горе сердца. — А. Ш.) подымался каждый из них»*.

Открытость Башни соответствовала идее Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — в исторической перспективе утопической — о построении «соборной» и «универсальной» общины, о расширении индивидуалистического творчества до коллективного и создании «всенародного» искусства будущего, о преодолении трагического непонимания между «художником» и «толпой». На Башне ставились и дискутировались самые острые и актуальные для своего времени проблемы (см. их краткую хронику в приложении). «Всегда было желание у В. Иванова превратить общение людей в платоновский симпозион, всегда призывал он Эрос», — писал в своем эссе о «средах» Бердяев. Л. Д. Зиновьева-Аннибал видела у приходящих на Башню «серьезное, плодотворное отношение к искусству, так близко напоминающее эпоху Возрождения; в эпохи ... могучего творчества (Ренессанс, например) никто не боится быть похожим на другого <...> А наши Среды так способствуют выработке новых идей, что, например, Бердяев говорит уже о плагиировании»**. Примечательно позднее свидетельство Вл. Вейдле: «Для стихотворцев, даже и ничуть не похожих на него, был он всегда открытым чужому таланту, необыкновенно внимательным и непогрешимого слуха судьей. Ходасевич рассказывал мне, что прочел ему однажды стихотворение — «Ручей» (1916), — написанное в два приема, с большим промежутком между первым шестистишием и вторым. Вячеслав Иванов не только этот перерыв угадал, но и совершенно точно указал его длительность»***.

* Аничков Е. В. Отрывок из неизданных воспоминаний (1935) // А. Шишкин. История Башни Вяч. Иванова. Рим, 1996. С. 225–226.

** Богомолов Н. А. Вяч. Иванов в 1903–1907 гг.: Документальные хроники. М. 2009. С. 179, 180.

*** Вейдле В. О тех, кого уже нет. Вяч. Иванов // Новое русское слово. 09.04.1976.

Любопытна мифологическая аллегория ивановской Башни, созданная М. Добужинским, одним из художников-завсегдатаев «сред». Добужинский оформлял книгу Вяч. Иванова «По Звездам» 1909 г., — итог четырех петербургских лет писателя. На титульный лист книги художник поместил художественную марку с изображением башни: это вписанная в треугольник сторожевая зубчатая средневековая башня (ср. «Осенены сторожевою Башней» — сонет Иванова, обращенный к Ю. Верховскому), мощная и широкая у основания и суживающаяся кверху, возвышается на фоне ночного звездного неба; у ее подножия месяц, а вершина пересекается с Млечным Путем. Этот рисунок вписан в похожий на пирамиду треугольник, обращенный вершиной кверху. Аллегорический смысл рисунка прочитывался определенно: башня — символ бодрствования и восхождения; Млечный Путь — символ пути паломников, исследователей, мистиков, перехода с одного места на другое на Земле, с одного круга на другой в космосе, с одного уровня до другого в душе.

Мифологизировалась сама история о том, как Ивановыми в Петербурге была найдена квартира, прозванная Башней. По рассказу Вяч. Иванова, жене поэта Лидии Димитриевне Зиновьевой-Аннибал, пересказанному О. Дешарт, весной 1905 г. накануне отъезда из Женевы привиделся сон:

«Круглая комната. Посреди урна. Она с Вячеславом кидает в урну свитки. И вдруг пожар. Все горит. Они вынимают свитки из урны (папирусы, ими написанные) и бросают их вниз, на землю, где их подхватывает сбежавшийся народ»*.

Пожар символизирует революционную стихию; здесь может быть уместно вспомнить сонет 1919 г. Г. Чулкова (кстати, непременно участника башенных «сред»), посвященный Вяч. Иванову: оба в недавнем прошлом они готовили огонь для дома, «где жили предки наши чинно» — огонь костра революции. И Иванов в ответном сонете признавал: «Да, сей костер мы поджигали...» (IV, 8). Но весной 1905 г. образы этого сна вряд ли толковались таким образом. Творчество, культурная деятельность, угроза ее истребления от разрушительной стихии, унаследование «народом» части спасенного — вот темы сна.

* Иванов В. И. Собр. соч. Т. I. Брюссель, 1971. С. 88. Далее ссылки на брюссельский четырехтомник (1971–1987) даются в тексте.

Сон соприкоснулся с реальностью по приезде в Петербург, когда Лидия Зиновьева «узнала» виденную ею во сне круглую башенную комнату в одной из сдававшихся в наем петербургских квартир. Это были комнаты на верхнем, шестом этаже углового дома на пересечении Таврической и Тверской улиц. Квартиру было решено немедленно снять. Свое первое впечатление о необычных апартаментах в доме, построенном в стиле классического петербургского модерна, Л. Зиновьева-Аннибал подробно и восторженно описывала своей дочери в Женеве в июльском письме 1905 г.:

«Мы нашли удивительную квартиру, которая хотя и имеет лишь 4 комнаты, но так поместительна, что вы все могли бы поместиться. <...> Из ее окон кажется, что живешь в самом парке и расстилается весь город, и Нева, и дали <...> и все стены в ней полукруглые. С 25 июля поселимся в ней <...>

Единственная квартира во всем Петербурге. Что-то фантастическое и прекрасное. 6-й этаж, из кухни ход на крышу и прогулка по крышам самого высокого дома с видом на все четыре стороны города и боров в синих даялях. Сама квартира: огромная передняя. Прямо вход в огромную, глубокую комнату, к концу ее обращаемой в свод и с единственным суживающимся снаружи окном. Что-то готическое. Из нее вход в башню, составляющей круглый угол дома (Тверской и Таврической). Она разделена перегородками (стенками внутренними) на три комнаты, и они представляют странную форму благодаря башне. Все комнаты очень просторны»*.

В письмах Вяч. Иванова квартира из четырех комнат превращается в мифологизированную «Башню поэта», место для которой, могло бы показаться, в какой-нибудь полуфантастической или символической картине. М. Замятниной, «домоправительнице» Ивановых, поэт писал 1 августа и приложил план квартиры, обозначив разными литерами обстановку и широкую панораму, открывающуюся из окон:

«Сию за Вашим бюро у окна *a*, любуясь отражением деревьев в зеленом озере Таврического парка. Прекрасное окно забрызгано дождем. Исаакий в светлой тьме. <...> О, вдохновительные виды на все стороны! От Лидии, из окон *d* и *e*, рас-

* Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 25 августа 1905 г. // Богомолов Н. А. Вяч. Иванов в 1903–1907 годах. С. 123.

крывается Россия будущего. Фабрики дымят на фоне боров. По Неве проходят пароходы. Но у меня больше Хариты, Дриады и Наяды, и храмы, но всюду великолепие монументального Петрограда»*.

В те же дни он писал Брюсову: «Живем вдвоем с Лидией Дмитриевной на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню»**.

Так фантазия насельников Башни дополняла и оживляла действительность. Пейзажи, открывавшиеся из окон квартиры, и интерьеры комнат, продуманные ее хозяевами, могли соответствовать философическим размышлениям, импровизации искусства. Пространство Башни и окружающее Башню было как бы пространством красоты, творчества и отъединения от быта. В позднейшем дневнике Вяч. Иванова за 1909 г. читаем:

«Летние дни в городе. Хорошо на башне. Устроенный, прохладный, тихий оазис на высоте, над Таврическим садом и его зеленой чашей-прудом с серебряными плесами. Латинские корректуры, филологические элукубрации, мифология. Вечером мое полуоткрытое полукруглое окно <...> становится волшебным просветом в мир зеленых, синих, фиолетовых пятен, зыблющихся за светлой рекой призрачных морей, облачных далей и багровых закатных химер. Музыкальные ночью свистки пароходов, и взвизги сирен» (II, 773).

«Из моего открытого окна август дышал то теплою мглой, то негой ливня. С Невы доносились свистки пароходов. Зелень была коричневой. Облака всегда разнообразны, особенно на закате» (запись от 1 августа 1909 г. — II, 780).

«Бетховена квартет с русской темой, Гретри и Глюк — в почти пустой — Лидиной и Марусиной комнате, которую я счастливым выбором обоев обратил в кусочек неба, в лазурный грот» (12 августа 1909 г. — II, 789).

* Богомолов Н. А. Вяч. Иванов в 1903—1907 годах. С. 124.

** Письмо Вяч. Иванова к В. Я. Брюсову от 29 августа // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 479.

Как устроили квартиру на Таврической ее новые хозяева? Главной стала собственно «башня», единственная немансардная комната с одним окном и круглыми стенами; с двух сторон ее перерезали легкие стенки-перегородки, образуя два полукруглых сектора по бокам. Когда подходила «среда», сюда сносили стулья со всей квартиры, большой стол сдвигался к передней и закрывал большую дверь, гости должны были проходить через боковую дверь левого сектора. На столе, называемом в таких ситуациях «райком» или «галеркой», тоже усаживались участники вечера, которые, в соответствии со своим положением, могли «бунтовать» и потешаться над авторитетами.

Остальные комнаты были мансардными. Просторная комната Зиновьевой, в два окна, выходила на Тверскую, она была обклеена оранжевыми, цвета терракоты обоями; между двумя низкими тахтами, покрытыми подушками и платками, находилась высокая урна, в которой Вяч. Иванов и Зиновьева хранили свои рукописи. Напротив была небольшая комната Иванова, огненно-красная, окно выходило во двор-колодец. Комната, выходящая на Тверскую, предназначалась для приезжих: когда в феврале 1907 г. здесь недолгое время жили Волошины, она была обклеена мрачными серыми обоями. Неслучайным был выбор репродукций итальянских мастеров, развешенных по стенам. Это «Адам» Микеланджело, «Тайная вечеря» и рисунок головы Христа Леонардо да Винчи, «Весна», «Мистическое Рождество» и «Минерва с кентавром» Боттичелли и два фрагмента росписи Сикстинской капеллы Микеланджело: Бог Отец и Мужская фигура.

Когда весной 1907 г. Вяч. Иванов и Зиновьева стали готовиться к приезду М. М. Замятниной и детей из Женевы, была снята еще и соседняя трехкомнатная, также мансардная, квартира. Позднее, весной 1908 г. в них 14 недель прожил И. Понтер, а после — многократно, но не подолгу останавливались Ю. Верховский, В. Эрн, Ф. Степун, А. Белый. С 17 июля 1909 г. в них постоянно жил Кузмин.

Скульптурно-цепкий и чуть гротескный взгляд Андрея Белого так запечатлел Башню: «Вселились Ивановы в выступ огромного здания, новоотстроенного над потемкинским старым дворцом, ставшим волей судьбы Государственной Думой; впоследствии выступ прозвали “башней Иванова”; всей обстановкой комнат со старыми витиевато глядящими креслами, с крашенными деревянную черной резьбой, в оранжево-теплых

обоях, с коврами, с пылицами, с маскою мраморной, с невероятных размеров бутылью вина, с виночерпием, М. М. Замятниной (другом жены), с эпитафикою, статуэткой танагрской, — Иванов над Думой висел, как певучий паук, удар нанося декадентским салонам»^{*}.

2. Революция

Башня была отъединением от быта, но никак не от реального исторического момента, переживаемого Россией.

На языке поэзии о политических событиях сказано в двух стихотворениях, созданных непосредственно после вселения в дом на углу Таврической и Тверской. Первое, посвященное Л. Зиновьевой-Аннибал, было озаглавлено «На башне»; второе, написанное, как можно думать, той же осенью, — «Медный всадник». Оба текста были включены в книгу «Сог Ardens», причем первое открывало раздел первого тома «Сивилла», второе ему непосредственно следовало. Стихотворения связаны единым тоном — предчувствием уготованных городу бед — и теми же образами. Для нас сейчас самое поразительное — это то, как именно сразу в самых первых строках обоих текстов обозначено место действия:

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей-Сивиллой,
Над городом-мдроком... (II, 259)

В этой призрачной Пальмире,
В этом мареве полярном... (II, 259)

То есть Башня неразрывно связана с судьбой *призрачного* города. Известно, что «выморочным» называли Петербург еще старомосковские традиционалисты, противники петровских реформ. Иными словами, оба текста исходят из мифа о начале Петербурга Петровской эпохи. Вместе с тем название второго текста непосредственно указывает на пушкинский миф, центральный и самый могущественный в основном петербургском мифе. Царь-демиург, у Пушкина преследующий взбунтовав-

^{*} Андрей Белый. Начало века. С. 345.

шегося против его произвола Евгения, появляется в конце и в ивановском «Медном всаднике». Но если у Пушкина слышится «тяжело-звонкое скаканье», то ивановская Сивилла слышит, «как тупо / Ударяет медь о плиты... / То о трупы, трупы, трупы / Спотыкаются копыта», — жертва Петра уже не один Евгений, но множество невинных.

Схожи не только начало стихов «На башне» и «Медный всадник», но и их конец. Трижды повторенное в финале ивановского «Медного всадника», то же страшное слово замыкает и первое стихотворение — «будут трупы». В «призрачной» столице близится мятеж, неизбежны жертвы: вот ответ стучащему в окна Башни осеннему ветру, который спрашивает, почему ее насельники поменяли солнце, дикий сад и скалы южной страны на «тесную башню над городом мглы». В мифопоэтическом смысле это означает нисхождение по собственной воле в Аид или, иначе, в город смерти. Что могут противопоставить смерти или хаосу стихи герой первого стихотворения — «пришелец», который нашел в городе пристанище вместе с Сивиллой? Ответ следует искать не прямо в тексте стихотворения, его синтагматике, но в его парадигматике — положении в цикле, а также в толковании имени и статуса его протагонистов: поэта-жреца и сивиллы. Их призвание — сочинять стихи и предрекать грядущее; лишь творчество способно стать вызовом смерти и всепоглощающей стихии.

Эта идея появляется в ивановском дневнике от 1 июня 1906 г.: «*Memento mori*» и «Сократ, занимайся музыкой» (II, 745). Непосредственно эта запись связана, как можно думать, с происшедшим накануне разговором на Башне с С. А. Котляревским и П. Б. Струве; оба они предрекали наступление варварства и *postem lungam* — длинной ночи; «одна мистика, — говорили они, — будет хранительницей культурного предания в распаде России» (II, с. 744). Обе формулы, таким образом, могли быть прямой репликой на сказанное гостями. Но не только.

Загадочные слова *musiken roeiei kai ergazon* («Сократ, занимайся музыкой») являются отсылкой к рассказу Платона (Федон 61a) о последней беседе с учениками Сократа перед казнью, в ожидании чаши с ядом. Эти слова неоднократно снились Сократу, но он понял их смысл только после смертного приговора на суде. Божественный призыв означал приказание заниматься не только философией (как он думал раньше), но и

«очищением поэтическим творчеством», причем в форме «мифов» (mythos), а не «рассуждений» (logos).

В реальном политическом контексте Петербурга 1905–1906 г. формулы «Memento mori» и «Сократ, занимайся музыкой» были не только программой благочестивой жизни перед лицом угрожающей смерти. В высоком философском и этическом смысле это был императив героического вызова, который брошен стихии в ситуации гибели. Творчество и познание истины пытались противопоставить себя разрушению. В этой связи показательно, что в теоретической мысли Вяч. Иванова рассказ, приведенный у Платона (Федон 61а), стал основным элементом парадигмы лирического творчества (см. первые параграфы афоризмов «О Лирике» в четвертой части «Спорад», 1908). Этот императив уловила Е. Кузьмина-Караваева, когда в своем эссе 1924 г. «Последние римляне» писала о двух направлениях внутри символизма, которые различались своим отношением к приближению всепоглощающей стихии — брюсовскому и ивановскому. Целью символизма по Вяч. Иванову, по ее словам, было, «побороть грядущую стихию, найти новое слово, тесно связанное с другими словами, и новому этому понятному слову подчинить грядущее, заставить это грядущее принять старое наследство, связаться со старой культурой»*.

М. Гофман, непреременный гость Башни с первых «сред», — он был старше Кузьминой-Караваевой на четыре года — в близком аспекте характеризовал поэтическую книгу Вяч. Иванова, написанную в первые годы Башни. Это книга — «Эрос», она вышла из печати в первой декаде января 1907 г. Гофман писал о ней в эссе, законченном в октябре 1907 г. Свидетельство Гофмана имеет особенную ценность, потому что ему были понятны и близки настроения поэтов на Башне, он присутствовал на башенных чтениях и обсуждениях стихотворений, которые потом были включены в «Эрос», знал их контекст и тон, т. е. был непосредственным свидетелем как создания книги, так и ее восприятия среди поэтов и гостей Башни.

* Кузьмина-Караваева Е. Ю. Наше время еще не разгадано... Томск, 1996. С. 109.

3. «На пире Платона во время чумы»

В своем эссе Гофман обозначил ту литературную традицию, к которой принадлежала ивановская книга. Это «Пир» Платона и «Декамерон» Боккаччо. Гофман мог иметь в виду как план тематики и композиции — речи о любви в структуре симпозиона, так и вызов стихии смерти, в различной степени присущий произведениям Платона и Боккаччо. По словам Гофмана, если разговоры о любви Боккаччо велись в саду загородной виллы в то время, когда Флоренцию опустошала чума, то свой «поэтический сад» Вяч. Иванов раскинул в «годину гнева»*. Последние слова особенно важны, «година гнева» — название цикла политических стихов Иванова, посвященных событиям революции (часть этих стихов ко времени написания эссе была опубликована в периодической печати); это название содержит прямую аллюзию на Иоанна Богослова. Драматические события 1905–1906 гг. в России уподобляются М. Гофманом эпидемии чумы во Флоренции, но русские события страшнее, ибо — если мы принимаем отсылку к *Отк* 6, 17 — являются апокалиптическим ожиданием конца. Это наблюдение Гофмана предшествует знаменитой парадоксальной строке Пастернака «На пире Платона во время чумы» и подготавливает ее.

В 1905–1906 гг. едва ли не всякий петербургский день мог давать реальное основание для предчувствия близкой катастрофы. М. Кузмин записывал в своем дневнике от 20 октября 1905 г. (т. е. еще до первого прихода на Башню): «В январе ожидается междоусобная война»**. В письме Вл. Пясту 7 мая 1906 г. Блок, уезжая из Петербурга, задавался вопросом, что произойдет в ближайшее время — «террор или обыкновенная, но неприятная, аграрная революция»***. Такие же ощущения фиксируют несколько записей Вяч. Иванова в дневниковой хронике лета 1906 г. Петербург — вулкан, который может взорваться, опасно привозить в северную столицу детей из Же-

* Гофман М. Книга о русских поэтах последнего десятилетия. СПб.; М., 1909. С. 274.

** Кузмин М. Дневник: 1905–1907 / Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 59. Далее дневник цитируется в тексте.

*** Письмо А. Блока к Вл. Пясту от 7 мая 1906 г. // Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. СПб., 1923. С. 83.

невы, — записывается один из многих разговоров подобного рода 2 июня 1906 г. (II, с. 745). Характерна запись двумя днями позже: «4 июня. Стачка будочников. Предчувствие больших стачек, Белостокские ужасы. Звук копыт конного патруля на улице ночью...» (II, с. 746).

12 июня сочиняется «стихотворение, внушенное белостокскими погромами» (II, 748), это, как следует думать, — «Язвы гвоздинные», одно из самых резких политических выступлений Вяч. Иванова.

События 1905—1906 гг. отражались в жизни поэтов на Башне и иначе — ощущением особой ценности творчества, сосредоточенностью, интенсификацией творчества перед лицом гибели. Это чувство разделялось башенными художниками — Сомовым и Бакстом.

На это ощущение у Иванова в последующие годы наложилось сильное чувство, связанное со смертью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в октябре 1907 г. В декабре 1908 г. М. Замятнина зафиксировала в своем дневнике его слова: «Вяч. говорит: <...> Смотрю на жизнь *sub specie mortis*, когда все приобретает особенную окраску»*. В июне 1908 г. он записывал в дневнике о намерении писать книгу лирики «*sub specie mortis*» (II, 772), ею стала «Любовь и Смерть», позднее включенная во второй том «*Cog Ardens*».

Летом 1906 г. А. М. Ремизов решил представить на Башне в игре-мистификации лик Революции и грядущие перемены. Он был близко знаком с профессиональными революционерами и марксистами-теоретиками, участвовавшими в университетских волнениях, прошедшими одиночное заключение, этап и ссылку. Здесь он коротко сошелся с с.-д. Луначарским, Богдановым и Мартовым и лидерами «боевой организации» — эсэрами-террористами Б. В. Савинковым и И. П. Каляевым.

Как можно думать, Ремизов решил уподобиться Жаку Казоту, который в 1788 г. предрек собравшимся в парижском салоне писателям, философам и аристократам их грядущую судьбу в приближающемся революционном вихре: смерть на эшафоте. В июне 1906 г., когда революционная волна, очевидно, для всех спадала, русский писатель с репутацией чудака заговорил

* Цит. по: Обатнин Г. Вяч. Иванов и смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «концепция «реализма» // *Slavica Helsingiensia*, 16. 1996. С. 146.

о том, что произойдет с собратьями-писателями, когда ненавистный им режим будет низвергнут:

«Алексей Михайлович прорицал о судьбе декадентов при будущем революционном терроре. Брюсов будет повешен вместе с Гиппиус, Бальмонт тоже повешен; Белый утонет в луже; я выскользну из рук судей благодаря представительству какого-нибудь Ангарского, приласканного на Середке; <...> Блок будет нести, по приказанию, как автоматическая кукла, красное знамя <...> Все это случится во время осады Эрмитажа» (II, 750–751).

Соответствие, пусть и не буквальное, сбывшегося после 1917 г. ремизовского гротескно-шутовского пророчества очевидно современному читателю.

4. «Среды» и «Гафиз»

Бердяев в упомянутом эссе так писал о первом периоде истории Башни: «Поистине В. И. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал обладали даром общения с людьми, даром притяжения людей и их взаимного соединения. Много талантливой энергии тратили они на людей, много внимания уделяли каждому человеку, интересовывались каждым в отдельности и интересовывали каждого собой, вводили в свою атмосферу, в круг своих исканий. Сразу же выяснилось, что В. И. Иванов не только поэт, но и ученый, мыслитель мистически настроенный, человек очень широких и разнообразных интересов. Всегда поражала меня в Вяч. Иванове эта необыкновенная способность с каждым говорить на те темы, которые его более всего интересуют, — с ученым о его науке, с художником о живописи, с музыкантом о музыке, с актером о театре, с общественным деятелем об общественных вопросах. Но это было не только приспособление к людям, не только гибкость и пластичность, не только светскость, которая в Вяч. Иванове поистине изумительна, — это был также дар незаметно вводить каждого в атмосферу своих интересов, своих тем, своих поэтических или мистических переживаний, через путь, которым каждый идет в жизни. Вяч. Иванов никогда не обострял никаких разногласий, не вел резких споров, он всегда искал сближений и соединений разных людей и разных направлений, любил выработать общие платформы. Он мастерски ставил вопросы, провоцировал у разных людей идейные и ин-

тимные признания. Всегда было желание у Вяч. Иванова превратить общение людей в Платоновский симпозион, всегда призывал он Эрос. “Соборность” — излюбленный его лозунг. Все эти свойства очень благоприятны для образования центра, духовной лаборатории, в которой сталкивались и формировались разные идейные и литературные течения. И скоро журфиксы по средам превратились в известные всему Петрограду, и даже не одному Петрограду, “Ивановские среды”, о которых слагались целые легенды*.

Посмотрев приложенную к нашей статье хронику сред, нельзя не отметить, что одной из постоянных тем (они обычно ставились голосованием) на башенных собраниях была философия эроса. «В творчестве символистов и, прежде всего Вяч. Иванова, Эрос стал формулой, соответствующей эпохе и стремлениям современной души»**.

Вот примечательное свидетельство об одной среде такого рода весны 1906 г.: «Среды еще бывают, неофициально. Одна была бурная. Председательствовал Бердяев, лежа на полу, потому что говорили о поле. Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (семьей), а замкнутой личностью. Ремизов был за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (Бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго. Вам все это должно показаться далеким, городским, комнатным. Хотя что-то, кажется, должно дрогнуть»***.

Сойдя на улицу, высокие идеи могли породить немало курьезов. Вот один из них. Весной 1907 г. на Башню пожаловала Надежда Санжарь (1875—1933), объявив, что хочет зачать от литературной знаменитости сверхчеловека (так описывается цель ее прихода у дочери поэта****; этот эпизод описан самой Санжарь

* Бердяев Н. А. «Ивановские среды» // Русская литература XX века / под ред. С. А. Венгерова. М., 2000. Т. 2. С. 233.

** Цимборска-Лебода М. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. (На пути к философии любви). Томск; М., 2004. С. 20.

*** Письмо С. Городецкого к А. Блоку от 3 июня 1906 г. // Литературное наследство. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 26.

**** Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. Париж. 1990. С. 32.

в одной из ее книг). Намерение Санжарь не держалось в тайне; 29 апреля 1907 г. Иванов на Башне получил ехидную телеграмму: «Дан ли зародыш. Не скупитесь», — подписанную Блоком, его женой Л. Менделеевой и Сомовым*. Как вспоминал Кузмин, Зиновьева-Аннибал, забыв о своих идеях о необходимости трансформировать традиционный брак и «размыкать кольца», здесь запустила в феминистку керосиновой лампы; «весь кабинет вонял керосином дня три»**. Доклад М. Волошина «Пути Эроса», прочитанный в 1907 г. на Башне, а вслед за этим в Москве, породил в широкой публике громкий скандал; до сих пор это глубокое и своеобразное сочинение Волошина не включено в историю русской философии эроса.

Оторванное от повседневности башенное житнетворчество и мифотворчество порождало тексты, многие из которых вошли в центр или периферию классического канона XX в. В качестве первого укажем «Незнакомку» (это стихотворение мая 1906 г. благодаря богатству и силе символического содержания ознаменовало высшую точку первого сезона сред) Блока, в качестве второго — книгу Вяч. Иванова «Эрос» (1907) и комедию Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (1907). Многие из задуманного так и не было воплощено, — такова книга стихов «Северный Гафиз», которую предполагали издать в 1906 г.

История первого года Башни теперь исчерпывающе документально рассказана в исследованиях Н. А. Богомолова. Коснемся подробнее истории кружка гафизитов на Башне, созданного весной 1906 г. как бы в противовес «блистательным средам». История Гафиза отражена в поэтических текстах, которые должны были составить книгу «Северный Гафиз». Вместе они образуют отдельный сюжет. Вяч. Иванов, Зиновьева-Аннибал, Сомов и Нувель задумали «персидский, Гафисский кабачок: очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический», — как писала Зиновьева-Аннибал к М. М. Замятниной от 26 марта

* А. А. Блок. Письма к Вяч. Иванову / Публ. Е. Белькинд // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 373; «Задирать нос выше мозга», или «Почему люди такие дряни?»: (Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову, А. А. Блоку и А. С. Серафимовичу) / Публ. А. А. Аксеновой // Philologica. М., 1996. № 5/7. С. 354.

** Кузмин М. Дневник 1934 года / под ред. Г. Морева. СПб., 1998. С. 93.

1906 г.* Кроме устроителей членами общества стали Бердяев, Кузмин, Городецкий, Бакст и Ауслендер. Собрания открывались гимном, написанным Вяч. Ивановым**:

Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!
 Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз,
 И умильные украдкой взоры встретятся соседей:
 Мы — наследники Гафизом нам завещанных наследий.
 Упои нас, кравчий томный! Друг, признание лови!
 И триклиний наш укромный станет вечерей любви... (II, 342).

Для следующего собрания гафизитов Вяч. Иванов написал стихотворное приветствие «Друзьям Гафиза» (др. название — «Встреча гостей», подзаголовок — «Вечеря вторая. 8 мая 1906 г. в Петробагдаде». Чтением «Встречи» открылась «вечеря вторая», описанная Кузминым в его дневнике. «У Ивановых новых были: Бакст, Бердяева, Городецкий и Сережа <Ауслендер. — А. Ш.> <...> Вячеслав И<ванович> читал свое стихотворение, Городецкий импровизировал. Все целовались, я не целовался только с Сомовым и Бердяевым. Играли на флейтах» (143).

«Встреча гостей» начиналась с перечисления основателей «вечери», в своем единстве воплощающих поэта и мистика Гафиза, поистине *всенародного* поэта Востока. По порядку стихотворения это Кузмин (Антиной-Харикл), Зиновьева-Аннибал (Диотима), Нувель (Петроний-Корсар), Бердяев (Соломон)***, Сомов (Аладин) и сам Иванов (Гиперион-Эль-Руми):

Ты, Антиной-Харикл, и ты, о Диотима,
 И ты, утонченник скучающего Рима —
 Петроний, иль корсар, и ты, Ассаргадон,
 Иль мудрых демонов начальник — Соломон,
 И ты, мой Аладин, со мной, Гиперионом,
 Дервишем Эль-Руми, — почтишь гостей поклоном!
 Садов Ширази шмель и мистагог — поэт,

* Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты // Н. А. Богомолов Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 70.

** Асеев Ник. Московские записки. Публ. А. Парниса // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 159.

*** Соломон не из Ветхого Завета, а из Агады, укротивший с помощью чудесного перстня демонов и даже их главу Асмодея.

Гафиз из наших уст вещает им: «Привет».
 Вы ж, сопричетенные гафизовой таверной
 К друзьям, пребудете ль в любви нелицемерной
 Верны тому, что дал нам сладостный завет?
 Пришлец, кто б ни был ты, — маг, риши иль поэт,
 Жид, эллин, перс иль франк, матрона иль гетера, —
 Знай: всех единая здесь сочетала вера —
 В то, что божественность к нам близится стопой
 Крылато-легкою (ханжа, имам слепой,
 Не знает мудрости под розовой улыбкой,
 Ни тайн торжественных под поступию зыбкой
 Шатаемой хмельком, —) и что Синай любви
 Нам дали голоса, поющие в крови.

В стихотворении разыгрывался ритуал посвящения, инициации: сперва вопрос, обращенный к непосвященным, затем — указание на символический смысл таинства и, наконец, заклятие, требование соблюдения тайны от допущенных на священный пир.

Поэтические образы стихотворения Кузмина, написанного ко второй «вечере» — *порог*, т. е. символ инициации, и *чаша*, прообраз братского общения агапы, продолжали и дополняли «Встречу гостей»:

Мы стояли,
 Молча ждали
 Пред плющом покрытой дверью.
 Мы ведь знали:
 Двери звали
 К тайномудрому безделью.

 В круге мудрых,
 Любомудрых
 Чаши вин не пахнут кровью.
 Мы — как пчелы,
 Вьемся в доли,
 Сладость роз там собираем.
 Горы — голы,
 Ульи — полы,
 Мы свой мед туда слагаем*.

* Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты. С. 72.

К третьей «вечере» гафизитов наметился кризис, об этом образно-мифологическом языке говорилось в стихотворении Иванова «Друзьям Гафиза». Творческие и жизненные стратегии хозяина Башни не были поняты ближайшим и теснейшим кругом гафизитов, тем больнее было разочарование. Идейным антагонистом Вяч. Иванова стал Кузмин. Что для Иванова было переступанием заветного барьера, для Кузмина оказывалось естественным актом, и наоборот, его мистический идеал панэротизма оказался чуждым друзьям Кузмина, лишь своеобразным интеллектуальным курьезом. Поэтический диалог между поэтами шел на общем языке поэтических и философских образов; отметим в строках 6 («Вам час окрылительных хмелей») и 26 («И каждый усладой крылатой развязан») аллюзию на **крылья**. Это образ, у Кузмина восходящий к платоновому образу влечения к небесной красоте и к обладанию красотой земной (Федр 246 a—247 a; 253 d—255 b):

Вам розы Шираза,
И грезы экстаза.
Вам солнечно-сладкие соты!
.....
Мне — злые занозы,
Мне — лютые жала,
Мне — стрелы в удел от Эрота!

И каждый усладой крылатой развязан
В беспечно-доверчивом круге...
Я ж наг и привязан
К столпу, как отмеченный узник!
Эрот вас предводит,
Мучители-друзи,
И каждый союзник
В союзе жестоком,
И каждый наводит,
Прицелившись солнечным оком,
Стрелу в мои жаркие перси... (II, 343).

К тематике и образам этого стихотворения поэт возвращается в прозаической записи дневника от 16 июня, где говорится о личной изоляции в круге гафизитов, что означало крушение его утопических надежд на построение «соборности»: «Пятая вечеря Гафиза (без Городецкого). — *Я устремляюсь к вам, о Гафизиты. Сердце и уста, очи и уши мои к вам устремли-*

лись. И вот среди вас стою одинокий. Так, одиночество мое одно со мною среди вас» (курсив в оригинале. — А. Ш.). Столько о Гафизитах. А теперь уже не об них. Результат целой полосы жизни, протекшей под знаком «соборности», намечается отчетливо: я одинок, как никогда, быть может» (II, 751).

Таким образом, в композиции диптиха «Палатка Гафиза» — второе стихотворение, с его темой разочарования в кружке гафизитов, антитетически противопоставлено оптимистическому зачинательному «Гимну».

«Друзьям Гафиза» Кузмина является не столько «своеобразным ответом» на эту дневниковую запись, сколько мифопоэтическим ответом на одноименное стихотворение Вяч. Иванова. «Ты» последней строки, кажется, непосредственно обращено к хозяину Башни:

Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.
Пока ты не один, Гафиз еще цветет*.

Кружок Гафизитов к концу 1906 г. распался, хотя о нем упоминали еще в августе 1907 г. «Вспоминаю Гафиз <...> для меня это было обыкновенное дружеское общение с эстетикой и остроумием, но некоторые обнаружившиеся тенденции этого общения мне были неприятны», — писал Бердяев Иванову 22 июня 1908 года**. Со своей стороны Кузмин имел все основания писать в 1934 г.: «Влияние его (башенного Гафиза». — А. Ш.), однако, если посмотреть теперь назад, было более значительно, чем это можно было предполагать, и распространялось далеко за пределы нашего кружка»***. Напротив, в краткой мемуарной реплике Вяч. Иванова 1938 г., обобщающей петербургские годы, слышатся печаль и разочарование:

«“Общей веры”, общего для всех — скажем — “символизма” не было; почти никто не понимал другого, и каждый другого

* Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты. С. 81.

** Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 132.

*** Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 99.

в чем-то подозревал, а младшие уже вовсе ничего не понимали в творчестве даже тех старших, коих особенно почитали. Несмотря на живое внешнее общение, все значительные таланты чувствовали себя внутренне одинокими; они продолжали и позднее идти каждый своим отдельным путем»*.

Однако одиночество стало стимулом поэтического творчества, особенно значительного в последующие годы.

5. Хлебников на Башне.

«Древний ужас» и «Гибель Атлантиды»

Свое видение языковых исканий в русской литературе начала XX в. А. М. Ремизов изложил так: «Работа над словом по “сырому материалу” и опыты над словом и “русским” складом <...> началась ... с первой революции, 1905 г., можно обозначить место: круг Вячеслава Иванова. (Когда-нибудь историки литературы выяснят огромное значение этого ученейшего человека). И в канун войны в этой “национальной” работе одно из первых мест — Хлебников и Замятин. А от Хлебникова — весь футуризм»**.

Показательно, что молодого Хлебникова, еще студента Казанского университета, привлекли прежде всего идеи Вяч. Иванова о всенародном языке и всеславянском слове. 31 марта 1908 г. он направил Вяч. Иванову письмо — его следует считать началом знакомства поэтов. Здесь на четырех листах разными чернилами и варьирующимся почерком записаны 13 поэтических текстов. Значение этого послания трудно преувеличить: перед нами в прямом смысле первое известное нам авторское собрание лирики молодого Хлебникова***. Строки в прозе,

* Письмо Вяч. Иванова к В. В. Рудневу от 14 июля 1938 г. // Переписка Вяч. Иванова с редакционной коллегией журнала «Современные записки» (в печати).

** Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 257.

*** Программным можно полагать последнее из 13 стихотворений — «Охотник скрытых долей, я в бор бытий вошел», где в последней строке прочитывается, кажется, анаграмма имени «Велимир». Об известности этого стихотворения на Башне свидетельствует сонет Ю. Верховского «Мне не отведать нового вина...», где цитируется его четвертая строка:

завершающие послание, содержали отсылку к ивановской статье «О веселом ремесле и умном веселии» (1907):

«Читая эти стихи, я помнил о “всеславянском языке”, побег которого должны прорасти толщи современного, русского*. Вот почему именно Ваше мнение о этих стихах мне дорого и важно и именно к Вам я решаюсь обратиться» (6:2, 112).

С осени 1908 г. Хлебников в Петербурге. В письме к матери от 28 ноября 1908 г. слышится сомнение в собственном поэтическом призвании: «В хоре кузничиков (т. е. поэтов. — А. Ш.) моя нота звучит отдельно, но недостаточно сильно и, кажется, не будет дотянута до конца» (6:2, 115). 22 мая 1909 г. он сообщает: «Так как в Петербурге я incognito, то я никого не посетил и не посещу» (6:2, 118). Но уже в письме к отцу от 31 мая 1909 г. говорится о знаменательной встрече и признании: «Я виделся с Ивановым. Он весьма сочувственно отнесся к моим начинаниям» (6:2, 119). Появление Хлебникова на Башне уже через много лет описал немецкий поэт фон Гюнтер, автор ярких и подробных, но не всегда точных мемуаров:

«Меня тревожит любиков смеянье / В грустилицах томящейся зари / Вечернее, предсмертное сиянье!» Начало стихотворения, по предположению исследователей, содержит отсылку к началу Комедии Данте и его преломлению в стихотворении Иванова «La selva oscura» (Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 380). Ср. также: Капустина Е. А. Поединок охотника и оленя (попытка реконструкции «ивановского текста» в раннем творчестве В. Хлебникова) // Культура и текст-2005: Сб. научных трудов межд. конференции. Барнаул, 2005; Айрапетян В. Толкуя слово. М., 2011. С. 38.

Полный текст послания Хлебникова см. в приложении к моей статье «“Велимир”: об имени Хлебникова» // Europa orientalis. XV. 1996: 2. С. 138—142, журнал на сайте http://www.europaorientalis.it/rivista_indici.php?id=24 Публикаторы хлебниковского шеститомного Собрания сочинений пошли по иному пути, напечатав в I томе 13 стихотворений по отдельности и в иной последовательности, а финальную приписку к стихотворениям в томе VI, ч. 2, как самостоятельное письмо; такое решение, на наш взгляд, неправомерно. Собр. соч. Хлебникова (Т.1—6, М., 2000—2006) далее цитируется в тексте.

* «Язык поэзии... прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» (III, 76). Ср. «Не должно ли думать ... о сплюсненном во одно, единый, общий круг, круговихре — общеславянском слове» (статья Хлебникова 1908—1909 г. «Курган Святогора». — I, 26).

«То, что он читал, настолько отличалось от стихов символистской школы, что мы удивленно переглянулись. Мы — то есть Вячеслав и Кузмин, которые меня на эту встречу позвали. Никакой символики, но и никаких социалистических откровений. Там были птицы, которым он дал собственные, им изобретенные названия видов. Там были фантастические картины и прежде всего очень произвольно выглядящее интенсивное обращение с языком, которое, как бы играя, проникало до самых корней слов. <...> Хлебниковские стихи нам не очень понравились. Но они имели столь своеобразный чекан, что Вячеслав, рожденный kingmaker (мастер возводить на трон. — *А. Ш.*), сразу оживился и стал стараться запутать молодого человека, который был чуть старше меня, в сети широко задуманного диспута о стихотворной просодии. Мы же с трудом могли следовать теориям Хлебникова о языке, его углублению в язык и дерзким корневым конструкциям. ... Его одержимый, может быть, магический внутренний пыл стремился только к слову как таковому. За его запинаящейся немотой скрывалась негибкая воля, которая держала его на выбранном пути»*.

Трудно рассчитать, когда произошла эта встреча. В опубликованных списках участников Поэтической Академии на Башне имени Хлебникова нет; дневник Кузмина фиксирует его появление на Башне только осенью 1909 г. Между тем уже в первой декаде июня 1909 г. между мэтром Башни и молодым поэтом происходит первый обмен поэтическими произведениями, который стал фактом исключительного значения. Это стихотворение «Подстерегателью» 3 июня 1909 г., посвященное Вяч. Ивановым Хлебникову (включено в раздел «Пристрастия» книги «*Cor Ardens*», 1911), и поэма в прозе, приложенная к письму Хлебникова к Иванову от 10 июня 1909 г. (окончательная ред. — «Зверинец» («О, Сад, Сад...»)), опубликована в «Садке судей», 1910, с посвящением В. И. <ванову>).

Ситуация, которая представлена в «Подстерегателе» может быть описана как диалог Мастера с Учеником. Молодой поэт, оказавшийся на Башне, смущен «искусителем», который «лукаво», «как неводом» (ср. слова Гюнтера о «сетях» спора о про-

* Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind. München. 1969. S. 209–210.

содии, которыми Иванов хочет запутать Хлебникова!) завлек его своими речами. Подобного рода подозрения приходили и другим посетителям Башни. Вот свидетельство Андрей Белого: «В золоторунные кудри свои заиграв тонким пальцем, посеял сомненья <...> не волк ли сей овцеподобный наставник? Пушился, горбатясь за черным чайком, точно кот; а поставив вам профиль, являл вид орла, застенавшего кличем; орлиною лапой на шнуре пенснэ перекидывал; и человечность при этом какая! Дверь — в улицу: толпы валили; лаская, журил, журя, льстил; оттолкнув, проникал в ваше сердце, где снова отталкивал»*. Мэтр вынужден объясниться перед младшим собратом: «Я не бес», — но этому заверению противоречит угрожающий звуковой образ в первой строфе с семью зловеще свистящими с:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель — испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

И, совопросник, соглядатай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг — я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:

Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую врезав борозду,
Из ясных звезд моей Любви
Посеять семенем — звезду (II, 340).

Попробуем прокомментировать этот непростой текст. Образы ловца и сеятеля имеют известные коннотации: «ловцами чело­веков» сотворил Христос своих учеников, ставших апостолами (Мф 4, 19; Мк 1, 17); притча о семенах «сеятеля», упавших на камень и на добрую землю говорит о тех немногих, которые удо-

* Андрей Белый. На рубеже столетий. С. 345–346.

стоятся Царствия Божия (*Мк* 4, 3–8; *Лк* 8, 5–8); кажется, что автор стихотворения претендует на духовные полномочия, превышающие возможности человека, но после «демонической» первой строфы становится ясным, это и есть та словесная игра, в которую увлекает Вяч. Иванов своего читателя. «Испытатель» есть тот, кто проверяет нечто на опыте, на опыте выясняет качества, свойства чего-то неизвестного; «оселок» — точильный камень, но также и камень для испытания драгоценных металлов, то, обо что затачивается, оттачивается инструмент для работы, — или интеллект в работе мысли, в диспуте, в споре, как подсказывает контекст; «циркуль» измеряет длину, «лот» — глубину, «отвес» проверяет вертикаль — все это технические или орудийные термины проверки, исследования слов и построенных из них конструкций. Не непререкаемый владетель истины в последней инстанции, не «великолепный» олимпиец или «мистагог», обладающий максимальным статусом авторитетности, наконец, не «искуситель бес», стремящийся не очень честными средствами перетянуть на свою сторону, но вопросами приводящий мысль собеседника к познанию. «Совопросник» и «соглядатай» — префикс «со-» дважды подчеркивает эту позицию равного в искании истины. Ближе всего к этому образу — не названный здесь Сократ, именовавший себя «повитухой» мысли своих собеседников (*Пир* 206–208 e). В ситуации «встречи» двух личностей божественный Эрос бросает семя в душу другого, и это семя — в соответствии с ивановским императивом «восхождения от реального к реальнейшему» — делается космическим светилом. Нельзя не добавить, что стихотворение, начатое с позиции «старший — младшему», описывает посвящение молодого поэта и предрекает его будущее.

Можно думать, что автограф «Подстерегателя» Хлебников в начале июня 1909 г. получил от самого автора*: дарить друзьям «парадный» беловой автограф было в его обычае. Если это предположение справедливо, то своеобразным ответом Иванову можно считать письмо, отправленное Хлебниковым вечером 10 июня 1909 г. с Царскосельского вокзала. Это хронологический первый известный нам текст, где поэт пользуется своим столь значимым псевдонимом — *«Велимир»*. Первая часть и

* Единственный выявленный автограф этого текста находится в архиве Хлебникова в РГАЛИ.

заклучение — прощание с башенным кружком, тон близкодружественный и интимно-доверительный:

«Знаете: я пишу вам только, чтобы передать, что мне отчего-то грустно, что я непонятно, через 4 ч<аса>, уезжая, грущу и что мне как чего-то вещественного жаль, что мне не удалось, протянув руку, сказать “до свиданья” или “прощайте” В<ере> К<онстантиновне> и др<угим> членам В<ашего> кружка, знакомством с которым я так дорожу и умею ценить.

Я увлекаюсь какой-то силой по руслу, которого я не вижу и не хочу видеть, но мои взгляды — Вам и вашему уюту.

Прощайте! в смысле до нового увиданья!

Дайте мне возможность на бумаге проститься с Теми, Кого я не увидел, прощаясь. Передайте мой порыв и богомольность» (6:2, 120, 122).

Крайне интересно автобиографическое признание о происшедшем с поэтом в предшествующие «эти дни», т. е., как следует думать, в период общения с кружком на Башне:

«Я знаю, что я умру лет через 100, но если верно, что мы умираем, начиная с рождения, то я никогда так *сильно* не умирал, как <в> эти дни. Точно вихрь отмывает корни меня от рождающей и нужной почвы. Вот почему ощущение смерти не как конечного действия, а как явления, сопутствующего жизни в течение *всей* жизни, всегда было слабее и менее ощутимо, чем теперь» (Хлебников 6:2, 120, 122).

«Умирание» в мифопоэтическом смысле может означать радикальное изменение личности, новое рождение, а в контексте отношений Иванова и Хлебникова посвящение в мир литературы, полученное поэтом на Башне.

В главной части письма находится сочинение «О, сад! Сад!». Попытки определить жанр этого текста не просты: перед нами новая литературная форма, созданная Хлебниковым, грандиозное и сложное историко-политическое и мифологическое сочинение, в котором предрекается мировая катастрофа. Хлебников играет с формой средневекового бестиария, экфразиса, топоса «сад—зверинец—книга». Эта форма предполагает множество прочтений*. Поэма — как бы тот самый «шедевр»

* Сегал (Рудник) Нина. «Зверинец» Хлебникова: слово и изображение. Toronto Slavic Quarterly 35, 2010. С. 197–257. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/35/index.shtml>

(этимологически «образец», *Meisterstück*), который в позднее Средневековье Ученик отправлял Мастеру цеха, чтобы стать членом корпорации. Примечательно, что одним из героев последующих редакций «Зверинца» оказывается «косматовластый* “Иванов”», который «вскакивает и бьет лапой в железо» (5, 45), т. е. Вяч. Иванов изображен в образе льва.

Известные оценки Вяч. Ивановым «Зверинца» содержат слово «гениальный»: «Это мог написать только гениальный человек (о “Зверинце”); «Велимир — безусловно гениален. Он подобен автору “Слова о полку Игореве”, чудом дожившему до нашего времени»*. По свидетельству А. Ахматовой, эту поэму Хлебников читал на Башне «в самом конце 1909 или в начале 1910 г.»**, не исключено, что это чтение описано в краткой поэме «Передо мной варился вар».

При первой публикации поэма была названа «протокольным описанием Среды у Вяч. Иванова», в другой раз — «юмористическом дневнике в стихах на тему поэтического быта петербургских символистов»****. Это не совсем точно. Шутливое описание ночного собрания на Башне вписано в

* Весной—летом 1909 г. Иванов носил очень длинные волосы («нужно бы... остричь волосы, длины которых я стыжусь»). (Дневник от 1 августа 1909 г. — II, 780).

** Парнис А. Е. Вячеслав Иванов и Хлебников. К проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца» // *De Visu* (нулевой номер). 1992. С. 39. К этой оценке близок М. Кузмин: ср. в его дневнике: «12 сентября 1909 <...> Пришел Хлебников <...> Он читал стихи; <...> в его вещах есть что-то яркое и небывалое». «20 сентября 1909. Приехал Хлебников ко мне, но Вяч<еслав> взял его к себе, приплелся и я туда. Читал свои вещи гениально-сумасшедшие» // Кузмин М. Дневник: 1908—1915. Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 167, 169.

*** Ахматова А. А. Недатированная запись в дневнике / Книги. Архивы. Автографы. М., 1983. С. 68.

**** Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 418; 426. Ср. в рабочих тетрадях Хлебникова набросок «и гроза из слов и истины», где ряд строк определенно относится к Башне Иванова: «и когда повар зашел утром в курятню, он нашел / там несколько заснувших миров. <...> И конеюноша и конебог рассказывает / разводя руками, и ему слушают. / и зевая. и севец м<олния>ми гневен» // Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова. С. 382—383. Если обратиться к последней строфе «Подстерегателя», то слово «севец» должно быть отнесено к Вяч. Иванову.

драматический «сверхсемантический» сюжет, низший и высший уровень которого — гибель и спасение; в финале поэмы является и затем уходит воплощение бессмертной женственности. В первых 36 строках иносказательно описан поэтический дебют Хлебникова на Башне: герой поэмы оказывается перед котлом, который предназначен для варки быка. Кажется, что подобным быку, обреченному на ритуальное дионисийское закляние*, видит себя сам поэт, ожидающий судопосвящения. Герой должен «оправдаться» своим творчеством перед неким «божественным поваром» — он же демон, трижды обернувший землю своим крылом. Грозное божество — не мифологизированный ли образ «теурга» или «судии» поэтов-дебютантов на Башне, т. е. ее хозяин? — после разбирательства увенчивает поэта венцом: «О поэт, поэт <...> // <...> приими венец!» (3, 26).

Затем ракурс как в розыгрыше резко меняется: повествование о ритуальном испытании в начальных 36 строках как раз и оказывается одним из чтений Хлебникова на Башне. Это выступление оценивают Вяч. Иванов: «Челюсть каких-то старых страшных глав / Я заметил в этом глаз...» и М. Кузмин: «Может глупость, что я скажу, / Но только мне кажется, что понравилось. Очень» (3, 26, имя Кузмина Хлебников анаграммирует: «Амизук»). Общий разговор касается личности Хлебникова, с которым заговаривает Сологуб. Последний допускает обмолвку, вызывающую общий хохот и насмешливые действия Гумилева. Стихи из второй главы «Новый Ролла» читает Кузмин, на него с любовным чувством смотрит «ясница с голубыми глазами» — Вера Шварсалон.

Часть поэмы составляют примечательные словесные портреты поэтов — Н. С. Гумилева, А. Н. Толстого. Подробны и с дружеским чувством изображены Вяч. Иванов и М. А. Куз-

* Символ небесного и хтонического, бык символически отождествлялся с умирающим и воскресающим богом Дионисом, как это позднее специально исследовал Вяч. Иванов в работе «Дионис и прадиионисийство», 1923: «Дионис — бык в мире живых и змий в подземном царстве. <...> Смерть жертвенного быка есть его брак с Землею» // Иванов В. И. Дионис и Прадионисийство. Баку, 1923. С. 99–100. Об обряде ритуального убийства быка: там же, 141.

** «Вяч. Иванову, жрецу Диониса» посвящено стихотворение С. Городецкого «Беспредельна даль поляны...»

мин. Вяч. Иванов не напоминает грозного демона, как в начале. В нем воплощен хмель Диониса, его речи — об «откровении лозы» (это религия Диониса или Христа?), он совмещает в себе черты ученого-«олимпийца» и любителя веселья, игры и розыгрышей*.

В следующей части поэмы гостя «в черных воротничках» просят читать стихи, и тот, «с осанкой лорда» декламирует три стихотворения. Этот гость вновь оказывается Хлебниковым, — подобный аристократический облик поэта в эпоху Башни также засвидетельствовал Городецкий, который вспоминал, как «на вечерах у Вячеслава Иванова появился “как денди лондонский одет” еще один поэт — Велимир Хлебников»**.

Бьет два часа ночи, а гости едва начинают собираться к столу к совместной трапезе. В этот момент из божницы сходит Богородица, но когда начинается общий разговор «о человеке и вере», Она покидает собравшихся:

И вот из божницы сходит Богородица,
И становится тихо за стулом.
И когда заговорили о человеке и вере, — тогда
Ее божественные веки дрожали прелестию стыда.
Она скользнула в дверь за Ниссой***,
Она спустилась по лестнице вниз, и
Она сошла на далекую площадь
И, обняв, осыпала поцелуями в голову лошадь.
Так изливала Богородица свое горе,
А над ней опрокинутое сияло звездное море. (3, 28)

* Следующие строки: «треугольник, Которого катеты, сроки и длина Чудесно связаны с последних дней всего забвением» (91–93) — отсылка к треугольнику на марке Добужинского домашнего издательства Иванова «Оры» (Н. Богомолов, устное сообщение) или же к треугольнику со вписанной в него башней и Млечным Путем на обложке и титульном листе книги Вяч. Иванова «По Звездам», о символике которого говорится в начале нашей статьи.

** Цит. по: Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990. Л., 1990. С. 157.

*** Этим именем звали прислугу на Башне // Кузмин М. Дневник 1908–1915. С. 162, 202, 639.

Итак, кульминацией вечера на Башне оказываются явление и уход трансцендентной женственности* (ср. «божественность к нам близится» в гафизитской «Встрече гостей» выше). Смысл финального эпизода, без сомнения, первостепенен, однако его однозначная интерпретация вряд ли возможна. Не исключено, что образ Богородицы на Башне навеян пением Кузмина одного из его «Духовных стихов» — «Хождения Богородицы по мукам» или циклом «Праздники Пресвятой Богородицы», который появился именно в 1909 г. Но более вероятно, что литературный образ явления Богородицы из божницы есть ироническая реминисценция из стихов А. Блока: «Не сойдет ли от божницы / Лучезарная Сама?» («Поединок», 1904); «И от иконы в нежных розах / Медлительно сошла Она» (пьеса «Незнакомка», 1906)**. В одном из вариантов финала поэмы мы находим такой примечательный эпизод:

- Вы Богородица?
- Да, я Богородица.
- Садитесь, не хотите ли вина? <...>
- Извините — моя вина — я не знаю, в чем моя вина.
- Ах, вы не желаете вина?
- Ну, тогда, может быть, вы хотите чаю?
- Я чаю воскресения мертвых. (З, 425)

* Нельзя не отметить, что образ Богородицы у Хлебникова нередко далек от канонического; ср.: «Трепещет рана, вся в огне, Путь пули — через богородиц» («Ночь в окопе»); «И где труду так вольно ходится / И бьет руду мятежный кий, / Блестят, мятежно глубоки, / Глаза чугунной богородицы» («Ладомир»).

** Ср. интерпретацию стихотворения Блока «Но есть один вздыхатель тайный»: «Конец стихотворения снимает все временное покаяние лирического героя. Он не может не смотреть на Нее влюбленно. Он чувствует себя не сыном, а избранником. Поэтому он с такой легкостью отождествляет свою Прекрасную Даму с Вечной Женой, поэтому он выражает такую уверенность, что Богородица сойдет к нему с иконы, с божницы в награду за его стихи, посвященные ей» // Лепахин В. В. Иконы и лампы в творчестве А. Блока // <http://www.portal-slovo.ru/art/36151.php> В 1910 г., говоря об эволюции А. Блока, Вяч. Иванов резко высказывался: «Образ Чаемой Жены стал двоиться и смешиваться с явленным образом блудницы» («Заветы символизма» — II, 599). Сам Иванов осторожнее, см. в посвященном Ю. Верховскому стихотворении «Выздоровление» (1907): «Как оный набожный жонглёр Один с готической Мадонной Ты скоморошил с давних пор Пред Аполлоновой иконой» (II, 334).

Здесь Хлебников слегка иронически воспроизводит не очень серьезный каламбур символистов, основанный на игре с бытовым и литургическим планом слова, который зафиксировал Андрей Белый («Кто-то на вопрос хозяйки дома — “Чаю?” — крикнул — “Чаю воскресения мертвых”»^{*}). Не о драме ли поисков символистами трансцендентного — как в их мифо-творческом центре, так и в их бытовой игровой периферии — рассказывает поэма Хлебникова?

С идеями, прозвучавшим и на собеседованиях на Башне, связана еще одна поэма Хлебникова — «Гибель Атлантиды» (1909, опублик. в 1913). Как можно полагать, диалоги на Башне о бессмертной женственности, Афродите Небесной и Афродите Всенародной, судьбе-фатуме и вселенской катастрофе были тем экстрактом, благодаря которому была создана этапная картина Л. Бакста «Terror antiquus» («Древний ужас», 1908). В 1909 г. Иванов посвятил полотну одноименную статью. Поэт не ограничился религиозно-историческим и философским толкованием картины (замечательно, что отмечена, в частности, ошибка художника: колосс в левой нижней части картины держит щит в правой, а меч в левой руке!), но «вписал» в ее содержание свои идеи. Вот авторский план начала этой статьи, датированный 4 марта 1909 г.:

I. Три идеи, выявленные в картине «Terror Antiquus»:

- a) Идея космической катастрофы;
- b) Идея судьбы;
- c) Идея бессмертной Женственности.

II. Астарта-Афродита и мужское начало. Обреченность мужественного гибели, и бессмертие женственного.

Космическая Жена, как Судьба и Губительница.

III. Связь древнейшего ужаса перед женственностью — с матриархатом.

IV. Реакция мужского начала против женской деспотии. Патриархат. Друиды. Орфей. Аполлонова религия. Женское начало как причина космической вины. Морализация религиозных понятий. *Terror fati* и *Timor Dei*^{**}.

^{*} Белый Андрей. Арабески. М., 1911. С. 321; Белый Андрей. Начало века. С. 332.

^{**} «Ужас перед роком» и «страх перед богом» (лат.). Цит. по: Бёрд Р. К творческой истории статьи Вяч. Иванова «Древний ужас» // Русская литература. 2011. № 3.

Хлебников следует ряду идей из статьи Вяч. Иванова, но реализует иной миф, чем тот, что положен в основу работы Бакста. У Хлебникова женственное восстает против рационального, упорядоченного мира жреца. «Гипертрофированная рациональность умственной культуры противопоставлена иррациональному началу, воплощенному в плотской любви, которая оказывается более древним, глубоким и сильным началом, чем цивилизация»*.

Идея произведения на тему космической катастрофы вновь возникла у Вяч. Иванова при последней встрече двух поэтов в Баку в 1921 г. «Вячеслав Иванов предложил писать космогоническую поэму», — записал Хлебников в дневнике от 1 января 1921 г. (6:2, 237). Эта запись комментируется учеником поэта М. Альтманом, по свидетельству которого Иванов сказал Хлебникову: «И ангел вострубит, что времени больше не будет, — может, Вы, Велимир, этим ангелом и будете»**. Первые слова здесь — анафора из 8–11 глав Откровения Иоанна; иными словами, Хлебников назван ангелом Апокалипсиса, т. е. вестником гнева Божия. Для мифотворца с Башни вряд ли существовало более возвышенное и значительное прозвание для поэта.

«Ученичество» на Башне Хлебникова, а затем взаимодействие, взаимопритяжение мифопоэтических картин мира у вождя петербургского символизма и Хлебникова — едва ли не самый поразительный, парадоксальный эпизод в истории Серебряного века, полное значение которого еще не осмыслено. Как отмечают современные исследователи, «несмотря на внешний уход от символистов в стан футуристов-будетлян, Хлебников по-своему продолжает и развивает традиции возглавляемого Ивановым направления — “реалистического символизма”***. Выявление поворотов, градаций смысла и подтекста творческого диалога двух поэтов — порой убийственная для интерпретатора задача.

* Казанский Н. Н. Мифотворчество Вяч. Иванова (на примере мифа об Тетга Balkanica / Tetga Slavica) // Балканские чтения 9. М., 2007.

** Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 33.

*** Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова. С. 378. Ср. Strudler J. Summoning the Firegod: V. Ivanov and Khlebnikov's early poetry // Slavic and East European Journal. 52:4, 2008. P. 529–544.

Заключение

Следует вернуться к началу предыдущей главы, где мы коснулись вопроса о языковой стратегии Вяч. Иванова. Укорененная в многовековой христианской традиции, она оказывается концептуальной и радикальной инновацией*. Эта тема требует отдельного разговора, но сейчас хочется обратить внимание на иной, связанный с ней момент.

Что пишет Вяч. Иванов, когда Блок сочиняет «Двенадцать», а Андрей Белый — «Христос воскрес»? Откликаясь на центральное событие истории XX в. — Революцию 1917 г. — Иванов, в отличие от всех своих единомышленников, отдает в книгу «Из глубины» статью «Наш язык». Один из самых разрушительных моментов в событиях после 1917 г., и едва ли не главную угрозу будущему России Иванов увидел в *разрушении языка*. Значительность этого политического жеста трудно переоценить на фоне известной языковой политики и практики последующих десятилетий. Позиция Вяч. Иванова в статье — это позиция историка языка, но также мыслителя и писателя, принадлежащего к определенному литературному направлению. Уже в эмиграции, в 1928 г., Ходасевич отмечал:

«По основному и повелительному импульсу, который, на мой взгляд, и есть самый существенный признак для «классификации», — написанное всегда было или становилось для символиста реальным, жизненным событием. Creant verba in circulo potestatis suae omnia quae significant** : эти слова могли бы стать эпиграфом к истории символизма»***.

Одна из последних статей Вяч. Иванова («Мысли о поэзии», 1938–1943) углубляет и распространяет этот этический императив:

«Искусство произвольно и непреднамеренно <...> излучает свое действие во все сферы духовного и душевного самоопределения, и никакая “башня из слоновой кости” не может

* Гогтишвили Л. А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение. М., 2006. С. 137.

** «Слова воссоздают в меру своих сил то, что они значат» (лат.), цитата из Фомы Аквинского.

*** Ходасевич В. О символизме // Вл. Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 176.

уединить поэзии от взаимодействия с общим потоком жизни. В этом свете изречение Пушкина: «слова поэта — дела его» приобретают особенный, торжественный или роковой смысл, и грозно возрастающе, соразмерно славе художника, представляется его ответственность перед людьми» (III, 668).

Поставим в финале несколько вопросов: в какой степени задуманное на Башне было осуществлено, завершено? Что осталось от Башни для последующих поколений?

Кажется, что однажды Вяч. Иванову в каком-то смысле удалось «взять» свою Башню с собой. Вот свидетельство М. С. Альтмана, который в начале 1920-х гг. в течение 4 лет имел привилегию быть учеником и другом поэта в бакинском университете:

«То было страшное время: война, голод, мор <...>. Но никогда, быть может, так явственно не обнаружилось, что не хлебом одним жив человек, но еще и словом. И на “слово” В. И., как на зов сирены, стекались самые разнообразные люди. Лекции В. И. выходили далеко за рамки чисто академические и приобретали значение общественного факта. Но влияние В. И. шло не только вширь, но, если позволено так выразиться, и вглубь. “Ловец душ”, он быстро оброс друзьями и учениками, с которыми вступил в самые близкие и тесные отношения»*.

Но в итальянские годы изгнания Башня не возродилась, хотя И. Н. Голенищев-Кутузов и называл «башней» скромную римскую квартиру поэта, которую вместе с Е. В. Аничковым посещал два лета — в 1927 и 1928 г. (эти встречи позволили ему позднее именовать себя учеником Вяч. Иванова). При этом именем и мнением Вяч. Иванова крайне дорожили (ср. историю отношений поэта с основателем славистики в Италии Э. Ло Гатто**). За деятельность «мыслителя и писателя» Королевская итальянская академия в 1936 г. удостоила его премии. Талантливейшая «симпосиальность» Иванова могла покорять итальянских интеллектуалов. Замечателен в последнем отношении отзыв миланского историка литературы и журналиста Алессандро Пеллегрини:

* Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 14.

** Шишкин А. Б., Сульпассо Б. Переписка Вяч. Иванова и Э. Ло Гатто // Вяч. Иванов: исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 759–779.

«Он обитал в Павии как гость Колледжо Борромео, там я и повстречался с ним. Величественная фигура этого старца с белоснежными волосами, необыкновенная живость разговора, во время которого он припоминал слова древних философов и голоса великих поэтов, как если бы они, дружественные тени, были среди нас; широта его культуры, питаемой, с одной стороны, тысячелетней традицией, а с другой — новейшими течениями современной мысли, была из него живым ключом; он говорил со мной без всякой вычурности, в выражениях естественно совершенных, и загорался страстью к идеям; лицо этого человека, отнюдь не торжественное или преднамеренно сдержанное, голубые глаза, излучающие свет; абсолютная раскованность, отсутствие манерности и вместе с тем необыкновенное достоинство в манере держать себя — этим он напоминал мне портрет учителя-гуманиста, сошедший с полотен художников XV в.; наконец, прозрачность взгляда, взирающего на этот мир с таким простодушием, словно тот впервые открывался ему; добродушная улыбка, шутливость и ироническое отношение к другим — и прежде всего к самому себе, — бурная жизненная сила, какой-то, я бы даже сказал, инстинктивный и будто не управляемый деспотизм, стремление обязательно одержать верх при каждой встрече и в каждом споре, было у него, скорее, произвольным порывом, дающим естественной выход той жизненной мощи, что свойственна великому духу и яркой личности: все без исключения проявления этой многогранной личности вызывали мое восхищение, как восхищает нас всякое совершенное явление природы»*.

Вяч. Иванов здесь прежний, но Башни уже нет. Ушла ли Башня на дно, как Атлантида? Сейчас часто стали говорить, что Россия — «великая страна с непредсказуемым прошлым». Пока все возможные исторические и литературные сценарии не будут изучены, давать ответ на этот вопрос преждевременно.

* Pellegrini A. Incontri e ritratti // Pellegrini A. Incontri in Europa. Milano, 1947. P. 48–49.

*Приложение 1**Хроника сред на Башне*

14 сентября 1905 г. — на среде Сологуб, Ремизовы, Чулковы, О. Дымов, Бальмонт читают свою прозу и стихи.

21 сентября 1905 г. — на среде Мережковские, Сологуб, Пяст, Ремизов, Чулков, Эрн, Карташев, Ан. Чеботаревская, Гершензон, Щеголев, Философов и др. (всего 12 человек) читают стихи. ВИ говорит о Гамлете и Дон Кихоте. Спор Зиновьевой-Аннибал с Мережковским.

5 октября 1905 г. — на среду приходят «реалисты»: Юшкевич, М. П. Арцыбашев, Скиталец, Башкин, присутствуют и участники первых сред — Чулков, Ремизов, Сологуб. Читается и обсуждается рассказ Арцыбашева «Тени утра».

30 ноября — на среде прения о поле: Вяч. Иванов и Розанов.

7 декабря — на среде собеседование о любви по образцу симпозиона Платона, стихи читает Блок, выступают Андрей Белый, ВИ, Л. И. Габрилович, ЛДЗА, С. А. Борисов, Л. Ю. Бердяева, председатель П. В. Безобразов.

14 декабря — на среде поставлена тема «Одиночество и анархизм», председатель Бердяев, впервые приходят К. А. Сомов и М. В. Добужинский.

21 декабря — на среде около 30 человек, председатель Бердяев, выступает А. И. Гидони и К. А. Сюннерберг, диспут Мережковского и ВИ.

28 декабря — на среде около 30 человек, поставлена тема «Религия и мистика»; в 11 часов полиция проводит на Башне обыск; антиправительственные материалы не находятся; об обыске широко сообщается в прессе (открытое письмо Мережковского к С. Ю. Витте).

11 января 1906 г. — на среде беседа по теме «О декадентстве как философско-идейном движении». ВИ «набросал историю декадентства и общий дух во всех разнообразиях ярких индивидуальностей» (ЛДЗА).

18 января — на среде более 40 человек, параллельно продолжению обсуждения темы «Религия и мистика» в другой комнате Блок, Брюсов, Сологуб и молодые поэты читают стихи.

Именной указатель

- Августин Аврелий — 280, 294, 299
Авенариус Р. — 405
Аверинцев С.С. — 30, 47, 246, 279,
348, 363, 367, 372
Авраменко А.М. — 129, 140
Айрапетян В. — 325
Аксенова А.А. — 319
Александров В.Е. — 62, 129
Александрова А. — 67
Альтман М.С. — 248, 335, 337, 349
Альгшулер М.И. — 454
Алянский С.М. — 212,
Ангарский Н.С. — 317
Андерсен Г.Х. — 130
Андреев Д.Л. — 24, 26, 34
Аничков Е.В. — 238, 305, 306, 307,
337, 340, 376
Анненков Ю.П. — 6, 37, 238
Анненский И. — 17, 95, 244, 305,
306, 377
Антоний Суржский (митр.) — 25
Аристотель — 47, 273, 344, 353
Арсеньев Н.С. — 25
Арцыбашев М.П. — 339, 340
Асеев Н.Н. — 101, 112, 320
Аскольдов (Алексеев) С.А. — 124,
135, 140
Ауслендер С. — 42, 320
Ахматова А.А. — 112, 305, 330, 358
- Бабат Г.И. — 396
Багно В.Е. — 232, 367
Байбаков Е.И. — 343
Байрон Дж.Г. — 273
- Бакст Л.С. — 23, 316, 320, 334, 335,
376
Балтрушайтис Ю.К. — 29, 207
Бальзак О. де — 53
Бальмонт К.Д. — 18, 29, 34, 44, 49,
88, 130, 207, 261, 317, 339, 376,
399
Барабанов Е.В. — 23
Барт Р. — 41, 42
Бауэрс Ф. — 395
Бах И.С. — 453
Бахтин М.М. — 22, 35, 40, 81, 306,
344, 359, 372
Бахтин Н.М. — 22, 40, 372
Бачинский А.И. — 148
Башкин В.В. — 339
Безант А. — 430
Безобразов П.В. — 339
Бёклин А. — 130
Белоусов А.Ф. — 23
Белый (Бугаев Б.Н.) А. — 5, 8–10,
12, 13, 19–21, 23, 26–30,
35–39, 42–44, 46–50, 52, 53,
56–58, 60–66, 73–76, 79–85,
87–140, 142–171, 173–210,
212, 213, 215, 216, 227, 232–
237, 239–241, 244–247, 283,
284, 306, 311, 312, 317, 327,
334, 336, 339, 340, 354, 376,
378, 399, 433, 449
Белькинд Е. — 319
Беляев М.П. — 454, 455
Бёме Я. — 54, 298, 299, 303
Бенуа А.Н. — 305, 377

- Берберова Н.Н. — 108
 Бёрд Р. — 11, 24, 32, 33, 256, 257, 264, 269, 334, 382
 Бердяев Н.А. — 16, 20, 21, 24, 25, 26, 61, 62, 70, 76, 77, 126, 210, 306, 307, 317, 318, 320, 323, 339, 340, 368, 376, 400, 416, 417, 444
 Бердяева Л.Ю. — 323, 339
 Бёрк К. — 275–277
 Бернайс Я. — 341
 Бетховен Л. — 118
 Биллингтон Дж. — 428
 Блаватская Е.П. — 118, 406, 416, 431
 Блейк У. — 26
 Блок А.А. — 5, 19, 26, 28, 29, 30, 36, 37, 42–44, 80, 84, 95, 106, 113, 115, 136, 178, 180, 182–189, 191, 198–200, 205, 207–210, 214, 225, 227, 232, 233, 235–238, 244, 246, 247, 254, 306, 315, 317, 318, 319, 333, 336, 339, 376, 378, 399, 400, 431, 449
 Блок Л.Д. — 144, 207, 208, 213, 234, 235
 Бобров С.П. — 112
 Бобровский В.П. — 437, 438
 Богданов В.А. — 26, 316
 Богомолов Н.А. — 278, 307, 310, 319, 320, 323, 330, 332, 431, 434
 Бодлер Ш. — 10, 53, 54, 238
 Боккаччо Дж. — 315
 Бонгард-Левин Г.М. — 369
 Бонещкая Н.К. — 9
 Борисов С.А. — 339
 Борисов-Мусатов В. — 449
 Бос Ш. дю — 34, 263, 379, 380
 Боттен-Хансен П. — 26
 Боттичелли С. — 311
 Брагинская Н.В. — 281, 373
 Бремон А., аб. — 363
 Британ И.А. — 26
 Бруно Дж. — 35
 Брюсов В.Я. — 9, 10, 16, 17, 19, 20, 23, 26, 37, 49, 52, 117, 118, 139, 142, 207, 208, 233, 237, 238, 295, 305, 310, 317, 339, 376, 379, 433
 Брянчанинов А.Н. — 429
 Бубер М. — 363, 379
 Букс Н. — 40
 Булгаков С.Н. — 9, 18, 21, 25, 26, 70, 72, 403, 429, 450
 Буркхарт П. — 280
 Бурлюк Д.Д. — 62
 Бухарин Н.И. — 186
 Бычков В.В. — 9, 43, 45, 49, 51, 73
Вагинов К.К. — 306
 Вагнер Р. — 116, 122, 391, 404, 438, 441, 450
 Ванечкина И.Л. — 390, 391, 394, 395, 396
 Ванслов В.В. — 394
 Вarez Э. — 393
 Варлих Г.И. — 455
 Васильев П.Н. — 215
 Васильев Н.А. — 419, 421, 422
 Васильева К.Н. — 212, 215
 Вейдле В.В. — 27, 307
 Веласкес Д. — 83
 Венгероv С.А. — 306
 Верле Л. — 393
 Верлен П. — 16, 116
 Вернадский В.И. — 35, 421
 Вертлиб Е.О. — 12, 50
 Верховский Ю.Н. — 308, 311, 324, 333, 340
 Вершинина А.Ю. — 23
 Веселовский А.Н. — 290, 343
 Вилламовиц-Меллендорф У. фон — 351
 Виндельбанд В. — 172
 Виньи А.В. де — 26
 Виргилий — 362, 380
 Витте С.Ю. — 339
 Войтоловский Л.Н. — 130
 Волошин М.А. — 23, 207, 211, 215, 216, 310, 319, 340
 Вольнский (Флексер) А.Л. — 21
 Волькенштейн М.Ф. — 340
 Вольф Т. — 301
 Врубель М.А. — 23, 75, 399
 Вульф В. — 277
 Вундт В. — 171, 195
 Габрилович Л.И. — 339, 340, 385
 Гаврюшин Н.К. — 168

- Гадамер Х.-Г. — 173, 174, 178, 273, 274
Галеев Б.М. — 390, 391, 394, 395, 396, 424
Галларати-Скотти Т. — 379
Ганчиков Л.Я. — 380
Гаршин В.М. — 20
Гаспаров М.Л. — 98, 102, 371, 372
Гегель Г.В.Ф. — 341
Гейне Г. — 71
Гельмгольц Г. — 86
Генон Р. — 292
Гершензон М.О. — 32, 209, 214, 238, 248, 256–259, 261, 263, 264–272, 274, 275
Гершензон М.О. — 339, 364, 365, 377, 378, 379
Гершензон-Чегодаева Н.М. — 264
Гесиод — 424
Гессе Г. — 24, 55
Гёте И.В. — 6, 22, 26, 30, 39, 47, 55, 168, 211, 221, 233, 272
Гидини М.К. — 69
Гидони А.И. — 339
Гизетти А.А. — 257
Гиппиус З.Н. — 207, 244, 317
Гира Л. — 26
Гиршельд О. — 375
Гладков Ф.В. — 216
Глазунов А.К. — 427
Глухова Е.В. — 236, 237, 239, 292
Гоголь Н.В. — 20, 75, 215, 216, 245, 246, 250
Готишвили Л.А. — 59, 336, 372
Голенищев-Кутузов И.Н. — 337
Гомер — 424
Городецкий С.М. — 143, 233, 237, 296, 318, 320, 322, 331, 332, 340, 376
Горький М. — 21, 214, 248, 400
Гофман В. — 109, 340
Гофман М.Л. — 314, 315
Гребан А. — 26
Гревс И.М. — 369, 375
Грек А.Г. — 45, 64
Гречанинов А.Т. — 378
Григ Э. — 122, 130
Григорьев В.П. — 109
Гринцер Н.П. — 373, 374
Гронский И.М. — 215, 216
Грякалова Н.Ю. — 40
Губайдулина С.А. — 393
Губер П.К. — 352
Гуковский Г.А. — 6
Гумилев Н.С. — 26, 83, 112, 227, 233, 331, 376, 433
Гуссерль Э. — 197
Гонтер И., фон — 310, 325, 326
Данте Алигьери — 30, 39, 47, 225, 227, 231–233, 248, 267, 378
Даурли Д.П. — 302
Делёз Ж. — 192, 201–204
Денисов Э. — 393
Депестр Р. — 26
Джексон Р.Л. — 266
Джойс Дж. — 63, 84
Джонсон Б. — 105
Джюлиани Р. — 361
Дильтей В. — 170–174, 197, 342
Дионисий Ареопагит — 280
Дмитревская Д.М. — 375, 376
Дмитриева Н.В. — 156
Добровольский А.А. — 393
Добролюбов А.М. — 39, 116, 244
Добужинский М.В. — 308, 339, 376
Долгополов Л.К. — 94, 132, 138
Донн Дж. — 26
Достоевский Ф.М. — 12, 20, 21, 25, 30, 33, 39, 55, 93, 140, 210, 233, 250, 282, 340, 367, 380, 401
Друскин Я.С. — 34
Дункан А. — 407
Дымов О.И. — 339, 340
Дэвидсон П. — 59, 366, 370
Дягилев С.П. — 455
Евреинов Н.Н. — 24, 27
Епишева О. — 29
Есенин С.А. — 39, 112
Жаккар Ж.-Ф. — 62
Жеребин А.И. — 28
Жид А. — 279
Жолковский Т. — 279, 184, 287
Заболоцкий Н.А. — 421
Закс Н. — 26

- Залкинд А.Б. — 35
 Замятин Е.И. — 6, 37, 150, 316, 324
 Замятина М.М. — 309, 311, 312, 319
 Захер-Мазох Л. Фон — 192, 204
 Зверев Н.С. — 453
 Зеленский В.В. — 285
 Зелинский Ф.Ф. — 22, 26, 40, 306, 368, 372, 376, 379, 380
 Зеньковский В.В. — 6, 302
 Зильпер Н. — 351
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. — 243, 247, 268, 293, 295, 296, 298, 300, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 316, 317, 318, 319, 320, 323, 332, 339, 340, 341, 342, 343–355, 346, 375, 376
 Золя Э. — 26
 Зубарев Л.Д. — 265
- Ибн Араби** — 409
 Ибсен Г. — 73, 74, 118, 130
 Иванов Вс.Вяч. — 150
 Иванов Вяч.И. — 7–14, 16, 18–22, 24–40, 42–48, 50, 53–56, 58, 59, 62, 64, 66–73, 76, 107, 115, 189, 191, 208–210, 213, 221–240, 242–284, 286–304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338–355, 356–359, 361–365, 366–372, 374, 375–389, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 412, 415, 422, 423, 426, 429, 430, 433, 455,
 Иванов Вяч.Вс. — 79–81, 83, 297
 Иванов Д.Вяч. — 251, 268, 377
 Иванова Л.Н. — 233, 297, 364
 Иванова Л.Вяч. — 281, 299, 318, 376
 Иванов-Разумник Р.В. — 118, 119, 125, 127, 131, 143, 147, 215
 Ивановский Д.И. — 340
 Измайлов А.Е. — 130
 Ильюнина Л.А. — 148
 Инайят Хан — 409
 Инфанте Ф. — 396
- Исакович В.И. — 454
 Исупов К.Г. — 11, 14, 15, 23, 34, 283, 453
- Йейтс У.Б.** — 26
- К.Р.** (Романов К.) — 26
 Кагель М. — 393
 Казанский Н.Н. — 335, 367
 Казари Р. — 140
 Казарян А.Т. — 372
 Казати А. — 379
 Казот Ж. — 316
 Какинума Н. — 50
 Кальвино И. — 277
 Каляев И.П. — 316
 Каменев Л.Б. — 182
 Кандинский В.В. — 58, 183, 188
 Кант И. — 6, 151–156, 158, 159, 161, 167, 171, 174, 211
 Кантор Г. — 9, 15
 Канчели Г. — 393
 Капустина Е.А. — 325
 Каратыгин В.Г. — 427
 Карсавин Л.П. — 35, 36, 359, 360, 361, 362, 364
 Карташев А.В. — 339, 340
 Кассирер Э. — 40, 172, 174, 279
 Кацис Л. — 23
 Кедров К.А. — 23
 Кемпбелл Дж. — 283, 285–287
 Кереньи К. — 283
 Кирнарская Д.К. — 435
 Кирсанов С.И. — 101
 Киселев Н.П. — 210
 Китами С. — 50
 Клеман О. — 25
 Климент Александрийский — 49, 273
 Климова И.В. — 27
 Клодель П. — 299, 300
 Клюев Н.А. — 39, 83, 112, 396
 Ключникова (Лобанкова) Е.В. — 426, 427
 Коган П.С. — 379
 Коген Г. — 155, 156, 171, 209
 Кожевникова Н.А. — 60
 Коляденко Н.П. — 438
 Колязин В.Ф. — 27

- Комиссаржевская В.Ф. — 28
Коневской (Ореус) И.И. — 17
Коновалов С.А. — 36, 233
Конт О. — 402
Коптяев А.П. — 428
Корецкая И.В. — 364
Кори Дж. — 300
Корнель П. — 6
Короленко В.Г. — 7
Косиков Г.К. — 42
Котляровский С.А. — 313
Котрелёв Н.В. — 248, 343, 349, 364, 369
Кравченко В.Ф. — 44
Крахт К.Ф. — 105, 210
Кребер А.Л. — 83, 84
Креслер А. — 380
Крохина Н.П. — 28
Кроче Б. — 380
Крупская Н.К. — 379
Крученых А.Е. — 23, 62, 418
Ксенакис Я. — 393
Кузмин М.А. — 266, 311, 315, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 330, 331, 332, 340, 376, 377, 433
Кузнецов В.А. — 59
Кузьмина-Караваева Е.Ю. — 24, 26, 314
Кузьмин-Караваев Д.В. — 233
Куйбышев В.В. — 216
Кулакова Л.А. — 27
Кулаковский Ю.А. — 351
Кульюс С.К. — 36, 233
Куренной В.А. — 172
Курт Э. — 438, 441
Курциус Э.Р. — 250, 380, 415
Кусевецкий С.А. — 455
Кюмон Ф. — 27
Кюхельбекер В.К. — 17, 26
- Лавров А.В. — 28, 38, 114, 137, 206, 367
Ладыженский В.Н. — 16
Лакан Ж. — 201
Ландау Г.А. — 266, 268
Лао-цзы — 118
Лапшин И.И. — 451
Ларронд К. — 26
Лауэнштейп Д. — 26
- Левандовский А.А. — 27
Левая Т.Н. — 435, 436, 451
Леви Э. — 410
Леви-Строс К. — 84
Левитан И.И. — 16
Лейбниц Г.В. — 86
Леман Г.А. — 211, 340, 378
Ленин (Ульянов) В.И. — 264
Леонардо да Винчи — 310
Лехахин В.В. — 333
Лермонтов М.Ю. — 20, 59, 282, 291
Лессинг Г.Э. — 341
Лесур Ф. — 356
Липпс Т. — 162, 171
Лист Ф. — 450, 451
Ло Гатто Э. — 337, 381
Лобанова М.Н. — 398, 406, 409
Лобачевский Н.И. — 419
Ловягин А.М. — 130
Лоренц К. — 352
Лорие С. — 285
Лосев А.Ф. — 18, 20, 32, 40, 372, 451, 452
Лотман Ю.М. — 63, 193, 436
Лукач Д. — 341, 351
Лукаш И.С. — 27
Луначарский А.В. — 263, 307, 316, 340, 379
Лурье А. — 427
Ляпустина Е.В. — 369
- Мазаев А.И. — 30
Майерс Ч. — 456
Майков А.Н. — 7
Маковельский А.О. — 343
Маковский С.К. — 268, 377
Максимов Д.Е. — 168
Малахов В.С. — 172, 428
Малевич К.С. — 418
Маллармэ Ст. — 41
Мальковати Ф. — 341, 348
Мандельштам О.Э. — 22, 83, 111, 112, 216, 242, 246, 357, 362, 379
Манн Т. — 13
Мансур аль Халладж — 409
Мариген Ж. — 69
Марсель Г. — 380
Мартов (Цедербаум) Л. — 316

- Матич О. — 428
 Мах Э. — 405
 Маяковский В.В. — 23, 26, 79, 80,
 84, 87–102, 108
 Медведев П.Н. — 38
 Медичи Л. — 26
 Медушевский В.В. — 31, 436
 Мейер А.А. — 24, 25, 34, 35, 237,
 359
 Мейерхольд В.Э. — 28, 214, 376,
 456
 Мельников Л.Г. — 394
 Мельникова Е.А. — 141
 Менделеева Л.Д. — 319
 Мендельсон Ф. — 453
 Меньшиков М.О. — 130
 Мережковский Д.С. — 18, 19, 21,
 138, 207, 208, 210, 233, 240,
 244, 339, 368, 376, 400
 Метерлинк М. — 24, 26, 118, 130
 Метнер Э.К. — 114, 133, 135–137,
 144, 210, 211, 283, 284,
 299–301
 Микеланджело — 311
 Мильтон Дж. — 26
 Минский (Виленкин) Н.М. — 26
 Минц З.Г. — 19, 141, 185
 Минцлова А.Р. — 209, 245, 434
 Мирандола П. дела — 35
 Миропольский (Ланг) А.Л. — 433
 Михайлов А.В. — 172, 373
 Михненко А.П. — 394
 Мицкевич Д.Н. — 8, 221, 232
 Моммзен Т. — 40, 344, 375
 Морев Г. — 319
 Морозова М.К. — 128, 133, 207,
 208, 378, 455
 Моссман Э. — 371
 Мотылев И.Е. — 26
 Мочульский К.В. — 47, 192, 196
 Мукаржовский Я. — 354
 Муратова К.М. — 294
 Мут К. — 231
- Н**
 Наторп П. — 155, 156
 Некрасов Н.А. — 246
 Некрасова Е.А. — 81
 Нива Ж. — 64, 109
 Нижегородский А.К. — 10
- Николай Кузанский — 41
 Ницше Ф. — 6, 16, 40, 48, 73–75,
 116, 128, 129, 140, 152, 187,
 197, 201, 345, 350, 352, 355,
 367, 368, 369, 373, 400, 401,
 403, 409, 410, 416, 449
 Новалис — 30, 39, 71, 233, 378
 Новосадский Н.И. — 22
 Нойманн Э. — 278
 Нувель Ж. — 319, 320, 340
- Об**
 Обатнин Г.В. — 278, 297, 430
 Овидий — 225
 Одоевский В.Ф. — 35
 Ольшанский Д.В. — 433
 Осповат А.Л. — 95
 Отвальд В. — 86
 Оттокар Н.П. — 363, 380
- П**
 Павлович Н.А. — 306
 Пайман А. — 256
 Паперный В.З. — 99, 140
 Парнис А.Е. — 330, 332
 Пастернак Б.Л. — 16, 79, 80, 84, 94,
 101–108, 112, 113, 197, 315,
 358, 371, 372
 Пастернак Л.О. — 454
 Пашуканис В.В. — 212
 Пеги Ш. — 24
 Пекарский П.П. — 27
 Пеллегрини А. — 337, 338, 370, 379
 Перцов П.П. — 207
 Перцова Н.Н. — 325, 330, 335
 Петрарка Ф. — 231, 232, 378
 Петров-Водкин К.С. — 215, 418
 Петровская Н.И. — 207, 208
 Петровский А.С. — 206
 Печерин В.С. — 24, 26
 Пий XI, папа — 381
 Пикассо П. — 83, 84
 Пильняк Б.А. — 103, 150
 Писарева Е.Ф. — 368
 Пифагор — 368
 Платон — 9, 273, 280, 282, 298,
 302, 313, 314, 315, 339, 346,
 351, 368
 Платонов А.П. — 27, 421
 Плеханов Г.В. — 454
 Плеханова Р.М. — 454

- Плотин — 303
Плотников Н.С. — 172
Плутарх — 226
По Э. — 118
Подорога В.А. — 192, 194, 200–202
Покровский М.Н. — 265
Поливанов Л.И. — 125, 206
Полиери Ж. — 396
Поляков С.А. — 207
Порус В.Н. — 10
Потебня А.А. — 61, 160, 161, 210
Поттосина В.Г. — 30
Пригов Д.А. — 200
Пришвин М.М. — 26
Проскурина В.Ю. — 257, 265, 272
Пряшникова М.П. — 427
Пургин С.П. — 47
Пушкин А.С. — 20, 26, 47, 59, 113, 209, 214, 225, 254, 312, 313, 337
Пьяных М.Ф. — 198, 204
Пяст Вл.Ал. — 225, 315, 339, 340
- Радин** Е.П. — 40
Расин Ж. — 6
Рафаева А.В. — 325, 330, 335
Рахманинов С.В. — 421
Ревзин И.И. — 35
Рейсбрук Я. — 298, 299
Рембо А. — 63
Ремизов А.М. — 39, 147, 316, 318, 324, 339, 421
Ремизова С.П. — 340
Рерих Н.К. — 23
Рикёр П. — 170–171, 173, 175, 178, 274, 277
Риккерт Г. — 156, 167, 171, 172, 209
Римингтон А. — 456
Римский-Корсаков Н.А. — 427
Роб-Грийе А. — 42
Робер-Уден П. — 395
Розанов В.В. 17, 18, 21, 23, 25, 26, 39, 139, 339, 376, 420, 449
Ромашко С.А. — 373
Россаро А. — 23
Россиус А.А. — 373
Ростовцев М.И. — 307
Рубцова В.В. — 450
Руднев В.В. — 324
- Руссо** Ж.-Ж. — 267
Рычков А.Л. — 23, 34
Рябушинский Н.П. — 208
- Сабанеев** Л.Л. — 42, 391, 395, 399, 400, 403, 409, 414, 416, 427, 429, 433, 434, 435, 439, 442, 448, 449, 451
Сабашников С.В. — 378
Сабашникова М.В. — 296, 378
Савинков Б.В. — 23, 316
Садовская Л.Б. — 50
Сажин В. — 122
Салтыков-Щедрин М.Е. — 20
Санжарь Н.Д. — 318, 319
Санников Г.А. — 103
Сапов В.В. — 284, 300
Сапунов Н.В. — 340
Саркисянц М. — 34
Сарьян М.С. — 215
Сати Э. — 393
Сафонов В.И. — 453, 454
Сахаров С.И. — 211, 378
Сведенборг Э. — 54, 298, 299, 303
Северянин (Лотарев) И. — 112, 329
Секерина Н.В. — 453
Селезнева А.В. — 40
Сельвинский И.Л. — 106
Серафимович А.С. — 319
Сервантес М. де — 6
Серман И.З. — 358
Сиднева Т. — 431
Сиклари А.Д. — 10, 151
Силард Л. — 67, 129, 137, 192, 273, 279, 280, 341, 342, 348
Скрябин А.С. — 426
Скрябин Л.А. — 455
Скрябин А.Н. — 14, 23, 25, 29–33, 35–42, 68, 69, 108, 116, 260, 378, 390–403, 406–410, 412–419, 422–463
Скрябина М.А. — 455
Слонимский Ю.И. — 393, 407
Смирнов И.А. — 113, 125
Смирнова Е.В. — 444
Соколов С.А. — 207
Соколов О.О. — 29
Соколовский В.И. — 26
Сократ — 298, 313, 314, 328, 425

- Сокурова О.Б. — 50
 Соливетти К. — 361
 Соловьев В.С. — 6, 9, 10, 18–20, 44, 45, 70, 71, 74, 77, 93, 116, 136–138, 206, 233, 289–291, 297, 367, 368, 376, 380, 401, 402, 404, 405, 428, 429, 431, 449, 450
 Соловьев М.С. — 118, 139, 207
 Соловьев С.М. — 118, 134, 144, 145, 209, 210
 Соловьева О.М. — 118
 Сологуб Ф.К. — 19, 23, 24, 27, 244, 331, 339, 340, 376
 Сомов К.А. — 316, 319, 320, 339, 376
 Сонни А.И. — 23
 Спасская С.Г. — 215
 Спасский С.Д. — 215
 Спивак М. — 47, 192
 Сталин И.В. — 371
 Стахорский С.В. — 29
 Степанова Г.А. — 29
 Степун Ф.А. — 36, 162, 163, 311, 369, 380
 Стецкий А.И. — 216
 Стояновский М.Ю. — 50
 Стравинский И.Ф. — 40, 421
 Стражев В.И. — 149
 Страховский Л.И. — 26
 Стриндберг А. — 110
 Струве П.Б. — 182, 210, 313
 Суворин А.С. — 319
 Сульпассо Б. — 337
 Сумароков А.П. — 7
 Сухово-Кобылин А.В. — 19
 Сюннерберг К.А. — 339
- Т**
 Табидзе Т. — 214
 Тамарченко А. — 113
 Танеев С.И. — 453
 Тарановский К.Ф. — 104
 Тарковский А.А. — 34
 Татлин В.Е. — 7
 Тахо-Годи А.А. — 372
 Тахо-Годи Е.А. — 359, 361, 372
 Террас В. — 253
 Тертуллиан — 367
 Тименчик Р.Д. — 95
- Тимофеев А.В. — 26
 Титаренко С.Д. — 278, 283, 297
 Толстой А.Н. — 215, 331
 Толстой Л.Н. — 7, 20, 75, 210, 380
 Томашевский Б.В. — 216
 Томпакова О.М. — 427
 Топорков А.Л. — 292, 296
 Топоров В.Н. — 288, 289, 295
 Тревес П. — 379
 Тренин В.В. — 89, 92, 93
 Троцкий Л.Д. — 182, 202
 Трубецкой С.Н., кн. — 402, 422, 429, 454
 Тургенев И.С. — 118
 Тургенева А.А. — 208–211, 213
 Тьянянов Ю.Н. — 24
 Тютчев Ф.И. — 20, 45, 59, 181, 233, 246, 260
- У**
 Уайльд О. — 6
 Уваров А.С. — 289
 Ульянов Н.И. — 34
 Успенский П.Д. — 410
- Ф**
 Фёдоров Н.М. — 25, 34, 35
 Фёдоров А.А. — 29
 Федотов Г.П. — 24, 26
 Федякин С.Р. — 32, 418
 Фет А.М. — 59, 118
 Фетисенко О. — 241
 Фехнер Г.Т. — 86
 Филий Д. — 27
 Филон Александрийский — 273, 280
 Филонов П.Н. — 23, 418, 421
 Философов Д.В. — 18, 339
 Фицино М. — 35
 Фишер К. — 402
 Фишман Н. — 427
 Флобер Г. — 41
 Флоренский П.А. — 9, 16, 19, 23, 28, 33, 35, 58, 61, 68, 70, 72, 81, 88, 127, 131, 132, 148, 290, 377, 420, 422, 424, 450
 Флоровский Г.В. — 16, 24, 70, 71
 Фокин М.М. — 407
 Фома Аквинский — 336
 Фофанов К.М. — 26
 Франк С.Л. — 25, 283, 342, 450
 Фрезер Дж. — 285, 286, 287

- Фрейд З. — 201, 283, 341, 352, 405, 442
Фрейденберг О.М. — 344, 371
Фридман — 340
Фулканелли — 293
- Ханзен-Лёве А.** — 43, 109, 199
Харджиев Н.И. — 89, 92, 93
Хармс Д.И. — 62
Хейзинга Й. — 65
Хёниг А. — 64
Хлебников В. — 9, 39, 62, 79, 82—84, 87, 88, 108, 111, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 376, 419
Хмельницкая Т.Ю. — 116
Ходасевич В.Ф. — 15, 37, 107, 108, 149, 182, 183, 192, 307, 336
Холопов Ю.Н. — 441
Хомяков А.С. — 367, 368
Хрусталева А.В. — 50
Хьюз Р. — 149
- Цветаева М.И.** — 39, 79, 84, 101, 106, 107, 108, 213
Циглер Р. — 372
Цимборска-Лебода М. — 318
Циолковский К.Э. — 395, 421
- Чаадаев П.Я.** — 20
Чайковский П.И. — 16
Чапыгин А.П. — 215
Чеботаревская А.Н. — 339
Чёпфл К. — 253
Чехов А.П. — 7, 16, 2
Чехов М.А. — 433
Чижевский А.Л. — 421
Чижевский Д.И. — 63, 111
Чириков Е.Н. — 26
Чубаров И.М. — 180
Чугунов Ю.Н. — 428
Чуковский К.И. — 184
Чулков Г.И. — 237, 308, 339
Чюрленис М.К. — 23, 30, 31, 39, 68, 116, 449
- Шагинян М.С.** — 215
Шапошников Л.В. — 23
Шаховской Иоанн, арх. — 23
- Шварсалон В.К.** — 247, 268, 296, 329, 331
Швейцер Б. — 405
Шекспир У. — 6, 28, 30
Шеллинг Ф. — 7, 46
Шёнберг А. — 84, 85, 393
Шестаков В.П. — 23
Шестов Л.И. — 21, 368
Шеффер Н. — 396
Шиллер Ф. — 6
Шишкин А.Б. — 36, 233, 294, 295, 305, 307, 337, 356, 367, 375
Шишков В.Я. — 215
Шкловский В.Б. — 88, 150, 186, 187
Шлегель А. — 8
Шлегель Ф. — 7, 8, 46
Шлейермахер Ф. — 342
Шлёцер П.Ю. — 454
Шлёцер Т.Ф. — 454, 455, 456
Шлёцер Б.Ф. — 398, 415
Шнитке А. — 393
Шопен Ф. — 122
Шопенгауэр А. — 118, 123, 152, 167, 352
Шор (Дешарт) О.А. — 64, 233, 240—242, 294, 297, 308, 345
Шпенглер О. — 40
Шперке Ф. — 17
Шпет Г.Г. — 28, 29, 35, 183—189, 198
Штайнер (Штейнер) Р. — 23, 66, 73, 152, 153, 164, 167—170, 175—177, 210, 211, 213, 292
Штейнер Г. — 380
Штокмар М. — 99
Штокхаузен К. — 393
Шумихин С.Е. — 330
Шюре Э. — 368, 373
- Щеголев П.Е.** — 339
Щедрин Р. — 393
- Эдингер Э.** — 302
Эйзенштейн С.М. — 393, 440
Эйнштейн А. — 15, 200, 201
Эйхенбаум Б.М. — 100, 186
Эко У. — 293
Экхарт М. — 298, 299, 303
Элиаде М. — 27, 285, 287

- Эллис (Кобылинский Л.Л.) — 43,
 48—50, 52, 53, 76, 207, 210
 Энгель Ю.Д. — 427
 Эрн В.Ф. — 311, 339, 377, 378
 Эсхил — 286, 377
 Эткинд А.М. — 27, 431, 432
 Эфрон Г.С. — 107
- Юнг Э.** — 301
 Юнг К.-Г. — 278—288, 290—292,
 294, 295, 297—304, 352, 404,
 405, 411, 412, 414, 416
 Юнггрен М. — 283, 284
 Юрьева З. — 146
 Юшкевич П.С. — 339
- Яффе А.** — 280
 Ячини С. — 379
 Яшвили П.Дж. — 214
- Adnan K. Abdulla — 341
 Barta P.I. — 370
 Bergmann R. — 27
 Blamey K. — 274
 Bowra M., sir — 231
 Brostrom Ed.K. — 87
 Burkert W. — 27, 349
 Cioran S.D. — 57
 Croissant J. — 273
 Deppermann M. — 47, 64
 Diersch M. — 405
 Döring J.R. — 358
 Eagle H. — 98
 Eekman T. — 253
 Fischer M. — 405
 Geen R.G. — 341
 Graf F. — 27
 Hartman N. — 171
 Hencker M. von. — 27
 Hoefding W. — 171
 Hankiss E.A. — 341
 Heller A. — 351
 Jacklin C.N. — 353
 Janeček G. — 87, 98, 99, 111
 Kerényi K. — 405, 413
 Keys R. — 146
 Kluge R.-D. — 68
 Kovac A. — 117
 Kozlik F.C. — 167, 176
 Lang P. — 262
 Lange A. — 171
 Larmour D. — 370
 Maccoby E.E. — 352
 Mueller-Follmer P. — 30
 Malcovati F. — 30
 Morrel R. — 350
 Nichols M.P. — 341
 Otto W.F. — 413
 Pyman A. — 43
 Quanty M.B. — 341
 Riedweg Ch. — 273
 Ritter H. — 409
 Rizzi D. — 27
 Rokem F. — 341
 Seaford R. — 27
 Sontag S. — 277
 Spiegel S.B. — 353
 Thompson J.B. — 274
 Torlone Z.M. — 374
 Turner V. — 341
 Wachtel M. — 250, 297
 Watts A. — 406
 Weber R. — 63
 Wegman C. — 341
 West J. — 47, 50
 Woronzoff Al. — 63
 Worth D.S. — 253
 Zax M. — 341
 Zelin M. — 353
 Zumkley H. — 352

<i>Титаренко С. Д.</i> От архетипа — к мифу: Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и К. Юнга	278
<i>Шишкин А. Б.</i> Символисты на Башне	305
<i>Силард Л.</i> Несколько заметок к учению Вяч. Иванова о катарсисе.....	341
<i>Лесур Ф.</i> Идея Рима и троянский миф у Вяч. Иванова	356
<i>Дэвидсон П.</i> Афины и Иерусалим: две вещи несовместные? (Значение идей Вяч. Иванова для современной России)	366
Хроника основных событий жизни и творчества Вяч. Иванова	375
Избранная библиография творчества Вяч. Иванова	382

Александр Скрыбин

<i>Ванечкина И. Л., Галеев Б. М.</i> Эстетическая футурология А. Скрыбина и ее реализация на рубеже веков	390
<i>Лобанова М. Н.</i> «Экстаз и безумие»: особенности дионисийского мировосприятия А. Н. Скрыбина	398
<i>Федякин С. Р.</i> Скрыбин и некоторые особенности творческого сознания в начале XX в.	418
<i>Ключникова (Лобанкова) Е. В.</i> А. Н. Скрыбин и национальный диспут начала XX в.: контексты и подтексты русского мессианства.....	426
<i>Смирнова Е. В.</i> Философские опыты А. Н. Скрыбина	444
Хроника основных событий жизни и творчества А. Скрыбина	453
Избранная библиография творчества А. Скрыбина	458
Именной указатель.....	464
Сведения об авторах	